

Джо Алекс
Мёртвая голова

Л.: Возрождение, М.: Этнос, 1990

Содержание:

- Джо Алекс. Мёртвая голова (повесть, перевод И. Тихорского), стр. 3-87

Джо Алекс

«Мертвая голова»

Эриния:

Над сушей и морем, как парус крылатый,

Бесшумно и грозно за ним я летела.

И вот, наконец, я настигла убийцу

И запах почуяла крови горячей

Эсхил «Эвмениды»

(Перевод с древнегреческого Джо Алекса)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, или ЭПИЛОГ

Помещен в начале этой книги, а не в ее конце для того, чтобы объяснить читателю, почему Джо Алекс, до сих пор не любивший жизнь в деревне, купил себе домик с садиком и пригласил сюда на уик-энд трех своих лучших друзей: Каролину Бекон и Бенъямина Паркера с супругой.

Он это сделал по следующим причинам.

Во-первых, знал, что действие его нового романа должно происходить в определенной обстановке, а именно: в загородном доме, после захода солнца, посреди лесов и полей, когда засыпают звери и просыпаются нетопыри и ночные бабочки — тысячи бесшумных, мохнатых насекомых, живущих в темноте и постоянно стремящихся к свету. Одно из этих красивых, безвредных созданий называется *Atropos L*, но все человечество знает ее исключительно как бабочку *Мертвая голова*. Так вот именно *Мертвая голова*, у которой на спине расположилось изображение черепа, и играла большую роль в повествовании Алекса.

Во-вторых, Алекс знал, что прочесть рассказ о трагедии ему предстоит в ближайшее время. Со дня убийства минул месяц, оно уже исчезло со страниц печати, потускнело в памяти людей, но мисс Каролина Бекон и миссис Розмари Паркер постоянно напоминали, что Алекс должен посвятить их во все подробности этого удивительного дела. Поэтому, если он хотел купить домик с садиком, ему следовало сделать это немедленно.

Третью причину, по которой он решил купить домик, Джо изложил мисс Каролине Бекон за неделю до того, как прочел новый роман друзьям. Вернемся к тому дню.

Каролина Бекон и Джо Алекс сидели друг против друга за столиком в ресторане, помещавшемся в большом саду на крыше многоэтажного дома.

Вечер был теплый, и Каролина сняла легкую накидку, открыв красивые плечи, покрытые ровным золотистым загаром. Легким движением она отставила чашку и подвинула к себе треугольный, с ароматом пунша, кусок торта.

— Джо, ты слышал, что я сказала? — чуть заметно улыбнулась она.

— Ну конечно! — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало как можно убедительнее. — Каждое слово!

Но, честно говоря, он слышал слова, но не вникал в их смысл, хотя знал, что Каролина спрашивает его об одном и том же во второй раз. Но о чем?

— Конечно! — повторил он. — Но почему ты спрашиваешь об этом?

Она слегка нахмурилась.

— Жулик, теперь я убедилась, что ничего ты не слышал. Я спросила, когда, наконец, ты расскажешь мне об этом деле с бабочкой. А заодно я хотела уведомить тебя, что через три недели уезжаю в Египет... — И, видя изумление Алекса, добавила: — Мы будем копать неподалеку от Сиди-Хафра. Профессор Николс абсолютно убежден, что там находятся захоронения последних двух фараонов седьмой династии. Один из них... впрочем, довольно о фараонах. Если я не узнаю историю бабочки в ближайшее время, мне не узнать ее никогда. После возвращения появится множество других дел.

— К сожалению, это была не моя личная тайна... — Джо с такой экспрессией развел руками, что чуть не опрокинул вазу с цветами. — У Паркера было с этим делом множество хлопот, различные высокопоставленные особы настаивали на полной конфиденциальности, а кончилось все тем, что пресса получила сообщение о самоубийстве. Если бы кто-нибудь из репортеров тогда напал на след, полиции пришлось бы долго и трудно объяснять, что к чему. Поэтому мы оба, то есть Паркер и я, решили обо всем молчать, пока не пройдет какое-то время. Конечно, «Дело Мертвой головы» так и останется тайной, но — он слегка улыбнулся — супруга заместителя начальника следственного отдела Скотленд-Ярда и ты, которая являешься... являешься... ну в

общем являешься, — закончил он, не найдя нужного слова, — вы имеете право знать все. Но повторяю еще раз, что...

— По-моему, я еще ни с кем не обмолвилась ни словом о твоих делах, Джо? — Мисс Бекон была слегка обижена. — И не мне напоминать, что уже раз сто множество репортеров использовали десятки способов, чтобы вытянуть из меня что-либо. Ты ведь так до противного популярен. — Она чуть-чуть скривила губы. — Впрочем, можешь, конечно, никогда ничего мне не говорить. В конце концов, ты знаешь, что я не считаю эту область жизни такой уж интересной...

— Да, конечно... — Джо грустно покачал головой. — Я отлично понимаю, что выкапывание старых черепков и подгрызенных термитами скелетов имеет свои прелести и при желании может считаться лучшим занятием под солнцем. Археология — прекрасная наука. Я горжусь тобой! — Он рассмеялся и положил ладонь на ее маленькую, но сильную руку. — Шучу, дорогая... Даю слово, что еще на этой неделе ты и Розмари Паркер будете знать все. Я изменил только имена, названия и некоторые личностные черты героев. В остальном все осталось как было.

— Ты написал об этом? Когда?

— В течение двух последних недель.

— А как называется роман?

— «Бесшумно и грозно за ним я летела...» — сказал Джо и слегка покраснел, предвидя следующий вопрос.

— О Господи! — Каролина вздохнула. — И откуда же эта цитата?

— Из «Эвменид»...

— Эсхил! В каждом бестселлере ты используешь в названии какого-нибудь моего любимого автора.

— Конечно... — Джо скромно потупился. — Но я сам перевожу эти отрывки, а заодно самообразовываюсь. — Он рассмеялся. — Кроме того, я популяризирую старичков в наше время, когда огромное большинство людей считает, что Эсхил это кличка скакового жеребца или одно из названий ревматизма. И потом, цитаты — готовые названия для криминальных романов... Я связываю приятное с полезным... Впрочем, я могу и изменить название. Скажем так: «Мертвая голова». Угадай, о чем я сейчас думал?

— Скорее всего о каком-нибудь несчастном, которого некий неизвестный отправил во владения Всевышнего. А название не лучше: «Мертвая голова» — Бр-р-р! Ну да ладно. Пусть так. Однако о чем же ты думал?

— Я думал кое о чем гораздо более приятном, чем о мертвецах, я думал о... — Он замолк и посмотрел на нее исподлобья. — Я всегда знал, что не отношусь к людям с неизменными взглядами и постоянными привычками. Но мне казалось, что я твердо знаю, чего не люблю...

— Согласна на первое, — кивнула головой Каролина.

— Между тем, — продолжал Алекс, не обидевшись на ее замечание, — мне всегда казалось, что я не люблю сельской жизни. Родился я в Лондоне и хотя много путешествовал, а иногда по приглашению знакомых бывал в деревне, но всегда считал, что не смогу жить вдали от города...

— Какой прелестный отрывок из биографии, — заметила Каролина и вздохнула. — Может показаться, что ты умер и я читаю некролог в газете. Представляю себе траурную колонну за твоим гробом: все полицейские и все преступники Лондона маршируют в ногу... ты, кажется, любишь похоронный марш Шопена?

— Ну конечно! Но я думаю, что в траурной колонне оказалась бы и некая знакомая мне дама, если бы, конечно, в этот момент не сидела бы в каком-нибудь забытом Богом уголке Земли и не ковырялась бы в носу у мумии Аменхотепа Среднего. Ты бы хоть поплакала?

Вопрос был задан так легко, что Каролина уже собралась было объяснить, как ее развеселила бы весть о его кончине, но она промолчала и потупилась. Потом тихо сказала:

— Ты же знаешь, Джо...

— Гм... — Алекс кашлянул. — Да. О смерти нельзя говорить после сытного ужина, потому что человек становится сентиментальным. Возвращаясь к тебе: я вижу, ты не можешь угадать, о чем я думал.

— Нет... — Каролина покачала головой.

— Так вот: я решил переселиться в деревню.

— В деревню?! — У нее округлились глаза. — Как это, в деревню? Не хочешь же ты сказать, что...

— Нет, не совсем то... Я не хочу сказать, что уезжаю на край света. Но я купил вчера домик, к которому с севера примыкает мрачный, запущенный сад, а с юга перед ним подстриженный газон, похожий на теннисный корт. Вокруг растут розы, жасмин, магнолия и... какие-то цветы... Не помню названия.

— И ты пытаешься убедить меня, что будешь жить вдали от Лондона?

— Да нет. Дом расположен в Лондоне, вернее, в Ричмонд-парке.

— Ну, это не так страшно, — вздохнула с облегчением Каролина, но вдруг взглянула на Алекса с любопытством. — Слушай, это не там разыгралась трагедия?

Джо кивнул:

— Там, по соседству со мной. Рядом стоит дом, где произошла, если так можно выразиться, «трагедия Мертвой головы». И именно туда я хочу пригласить вас всех, чтобы после обеда, видя все время тот сад и огни в том доме, прочесть вам мой отчет о расследовании.

— Ну хорошо, но ведь ты же купил этот дом не только для того, чтобы рассказать о расследовании?

— Нет, конечно. Видишь ли, Каролина, я хочу там остаться, чтобы... чтобы попробовать написать серьезную книгу...

— Ну да, конечно... — В голосе Каролины было сомнение. Она верила, что Алекс мог бы стать крупным писателем, но не представляла себе, чтобы он нашел в себе когда-нибудь силы написать книгу, подписавшись своим настоящим именем. Потому что Джо Алекс был, конечно, псевдоним, под которым его знали читатели, полицейские и преступники. И она сказала: — Ну да, домик в пригороде, конечно, больше подходит для литературной работы, чем городская квартира, но я не уверена, что ты не написал ничего серьезного только оттого, что у тебя не было домика с садом.

— Конечно, нет! Я не написал до сих пор ничего серьезного, потому что, ну... мне трудно это объяснить... мне казалось, что не пришло еще время...

— А теперь ты чувствуешь, что время пришло?

— Да.

— Ну что ж, я всем сердцем с тобой. Но ведь книга, которую ты хочешь нам прочесть, не последний детектив?

— Нет, конечно. Я не в силах уже бросить писать криминальные романы.

— Ну хорошо, я, конечно, приеду. Но ты забыл сказать мне адрес. Да и существует ли этот дом в действительности?

— Существует, не беспокойся! Хиггинс уже там и действует. В субботу после полудня я сам привезу тебя туда и перенесу через порог. Будешь хозяйкой уик-энда.

— Если там будет Хиггинс, не нужно никакой второй хозяйки, — рассмеялась Каролина.

И она была права. В субботу вечером, когда она появилась в милом домике на одной из тихих, зеленых улиц Ричмонд-парка, здесь все было готово к приему гостей.

Обед был великолепным. После него все перешли на веранду, и Алекс сел за столик, рядом с настольной лампой.

Паркер дотронулся до пухлой папки и сказал:

— Здесь находится отчет обо всем, что произошло вон в том доме... — Он показал на два освещенных окна, находящихся на первом этаже невидимой в темноте виллы, стоящей по другую сторону улицы. — Месяц тому назад мы стояли там, в столовой, и не понимали абсолютно ничего. А в соседней комнате... Однако не будем опережать события...

— Вот именно, — сказала миссис Паркер и повернулась к Алексу. — Начинай, Джо. Я умираю от любопытства, а мой правоверный полицейский за весь месяц не сказал ни слова.

— Хорошо. Начнем. — Алекс развязал папку. — Конечно, мы с Беном были на месте уже после убийства. Но я позволил себе на основе реконструкции всего дела поделить течение событий на две части: в одной действие происходит до убийства, во второй принимаем участие мы. Но, однако, приступим.

Он открыл папку и подвинул к свету первый, густо исписанный на машинке лист бумаги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

в которой мужчины думают, что женщины спят

В этот вечер Джо Алекс писал, как обычно, без особой охоты, но и без отвращения. Когда Джо садился за машинку, у него всегда был уже составлен подробный план романа и до мелочей разработана каждая глава. Поэтому он писал, не особенно задумываясь над тем, что именно пишет. Одна половина мозга в этот момент как бы складывала слова во фразы, ведя героев через диалоги и описания к неизбежному разоблачению преступника, в то время как вторая половина думала о чем-то совершенно ином. В этот момент она была полна образом Каролины Бекон, спящей или засыпающей над книжкой где-то на другом конце Лондона. На очередном листе, который он вытащил из машинки, стояла цифра сто девяносто восемь...

Он потер усталые глаза и, уже не взглянув в сторону машинки, пошел в ванную. Через десять минут он уже засыпал. Перед глазами его мелькали черные ряды букв, которые постепенно исчезли, уступив место насекомым: кузнечикам, слепням, оводам, бабочкам... Последняя картина, которая мелькнула в его сознании, был вид большой, темной, мохнатой бабочки, кружащейся в оранжевом полумраке. Возможно, поэтому его не особенно удивил телефонный звонок на рассвете.

Но прозвенит он только через несколько часов. Сейчас же, когда Алекс засыпал, не только перед его глазами появилась большая, мохнатая бабочка. В саду у дома в далеком предместье Ричмонд-парк было много бабочек и несколько человек, которые ими интересовались.

— Мертвая голова! — воскликнул в темноте сэр Гордон Бедфорд. — Быстро циан, Цирил!

Его большая тяжелая рука приблизилась к освещенному экрану и осторожно накрыла сосудом с расширяющимся горлышком бабочку. Плененная Мертвая голова затрепыхалась в поисках выхода.

Из темноты мгновенно вынырнула рука Цирила Бедфорда. Она была так же велика и тяжела, как рука брата. Ватку с цианистым калием он аккуратно засунул в сосуд. Бабочка затрепыхалась и упала на дно.

Гордон Бедфорд осторожно отнял ватку. Бабочка выпала ему на ладонь.

Оба брата склонились над ней. Даже в полумраке они были очень похожи: огромные, широкоплечие, с маленькими головами на коротких, толстых шеях. Но Цирил был одет всего лишь в белую рубашку с короткими рукавами и шорты. На Гордоне Бедфорде был свитер грубой вязки с большим, завернутым воротом. Голову защищала шерстяная шотландская кепка.

— Сегодня нам везет, Цирил. Уже третья! Удивительно везет. В этих краях такого со мной еще не бывало... — Аккуратно, ловко он положил бабочку в одну из колбочек, которые в большом количестве лежали около экрана. — Атропос... — Он выпрямился и вытер пот со лба. Ночь была душная, очевидно, приближалась гроза, хотя пока небо над их головами было звездное. Он поднял колбу и посмотрел ее на свет. — Атропа... малосимпатичная, мифологическая особа, которая вызывала страх даже у Платона. Она, согласно поверьям, рвала нить человеческой жизни. Нам удивительно повезло, Цирил. Подумай, все три бабочки попали в этот сад аж со Средиземного моря.

Цирил Бедфорд не отвечал. Он подошел к экрану и в молчании стал наблюдать за большим жуком, который нервно бегал по полотну. Потом смахнул с экрана всех насекомых.

Гордон тоже подошел ближе и посмотрел на часы.

— Полвторого... Пора заканчивать. Мне бы хотелось, чтобы ты зашел к Реуту и попросил его сделать последнюю проверку текста не к семи, а к шести. И скажи ему, что ты тоже будешь и принесешь весь комплект иллюстраций.

Цирил кивнул:

— Хорошо. — Он посмотрел на дом. — Наши жены уже спят. У Юдиты свет погас несколько минут тому назад. Зато Роберт работает...

— Это хорошо... — Гордон посмотрел на окна второго этажа. Только в одном из них горела лампа за неплотно задвинутыми шторами. — Сильвия тоже, судя по всему, спит. Свет у нее после одиннадцати не зажигался.

Но оба они ошибались. Ни Юдита Бедфорд, жена его брата, ни Сильвия Бедфорд, его собственная супруга, не спали в эту минуту, хотя свет в их комнатах давно погас.

Юдита Бедфорд лежала навзничь в своей постели. Глаза ее были широко открыты. Она неподвижным взглядом смотрела в потолок. Худые руки она закинула за голову, а губы ее едва заметно шевелились, как будто Юдита вела разговор с кем-то невидимым. Выражение ее глаз свидетельствовало о том, что она ненавидит своего невидимого собеседника. В бледном свете звезд Юдита была похожа на мертвую монашенку со строгими чертами лица, узким орлиным носом и гладко зачесанными назад волосами. Ее высокий лоб разрезали морщины, которые жизнь раньше времени провела по нему. У Юдиты Бедфорд было лицо человека, охваченного отчаянием. Но внимательный собеседник мог заметить, что на дне этого отчаяния кроется ненависть к чему-то или к кому-то, с кем проводила она свой бесшумный диалог.

Сильвия Бедфорд тоже не спала. Она лежала навзничь в своей комнате и широко открытыми глазами смотрела в потолок. Руки ее были закинута за голову. И хотя она находилась в комнате иначе обставленной, чем комната Юдиты, и она была молодой, красивой и высокой, а Юдита непривлекательной, маленькой и преждевременно постаревшей, обе они, не подозревая об этом, были в этот момент очень похожи друг на друга. Губы Сильвии бесшумно двигались, а в глазах ее были те же отчаяние и ненависть, что и в глазах ее невестки.

— Так... — сказала Сильвия шепотом. — Только так...

Она вдруг села на постели и, не включая лампу, взяла шаль. Потом сунула ноги в мягкие тапочки и встала. Идя к двери, она набросила шаль. Встряхнула головой. Темные, длинные волосы рассыпались по спине. Сильвия взялась за ручку, постояла неподвижно, потом с внезапной решимостью открыла дверь и вышла из комнаты.

В доме была еще третья женщина. Она стояла рядом с кроватью в своей маленькой, расположенной рядом с кухней комнате и смотрела в темный сад. У нее тоже было темно. Она не хотела, чтобы знали, что она еще не спит. Лампа, скрытая за белым экраном, находилась в нескольких десятках шагов от нее, на противоположной стороне клумбы, и поэтому женщина едва различала силуэты двух мужчин около нее. Она долго смотрела на них, потом вздохнула и легла в постель. Она была молода, симпатична и хорошо сложена. Она лежала некоторое время с широко открытыми глазами, стараясь думать о том, что ей предстоит сделать завтра на кухне. Повариха уехала к больному сыну, и Агнесс Уайт, которая была горничной в доме Бедфордов, должна была заменить ее в этот уик-энд. Но одновременно она думала о своем женихе, который находился далеко, и о мужчине, который находился поблизости. Она вздохнула еще раз и закрыла глаза. Что-то, наконец, должно было произойти, и очень скоро. Нелегко быть красивой, молодой девушкой и долго жить в одиночестве... Агнесс сжала губы. Скоро все должно решиться. Она открыла глаза и стала размышлять. Нужно было решиться. Иначе... Нет, другого выхода не было. То, о чем она думала в течение последних дней, должно произойти, независимо от того, насколько трудным было это решение.

Агнесс вытерла слезы, появившиеся на глазах. Она была глубоко несчастлива, но полна решимости. Недаром в жилах у нее текла кровь десятков поколений шотландских горцев. Внезапно ей вспомнилась маленькая деревушка, где она появилась на свет и где она жила первые семнадцать лет. Она уехала оттуда три года тому назад. Снова закрыв глаза, она попыталась уснуть, считая овец. Но овцы паслись на скалистом, так хорошо знакомом ей, покрытом пучками травы склоне. Сон не приходил.

— Господи, Боже мой! — прошептала она. — Я самая плохая из всех девушек на свете. Но ведь ты, Господи, понимаешь меня. Это люди меня не понимают...

Глава вторая

«Там будут лишь мрак и пустота...»

Роберт Реут сидел за столом посреди комнаты и внимательно читал лежащую перед ним рукопись, время от времени сверяясь с листками, находящимися по правую руку. Сидя спиной к двери, он не заметил, как она бесшумно приоткрылась и в щели появилась женская рука, которая поднялась к стене в поисках выключателя. Внезапно комната исчезла.

Реут вскочил.

— Кто это? — спросил он, помимо воли понижая голос.

— Ти-ше! Это я...

Женщина закрыла за собой дверь так же бесшумно, как и открыла ее.

— Сильвия! — В голосе его был такой испуг, что она замерла. — Как ты могла?.. Тебя могли увидеть! Он... он может войти сюда!

— Он в саду... — шепнула Сильвия Бедфорд. Реут услышал ее тихие шаги. Глаза немного привыкли к темноте. Он различил ее силуэт, светлую шаль, выделяющуюся на фоне стены.

— Ты не должна здесь оставаться...

— Перестань, — резко сказала она, несколько повысив голос. — Меня никто не видел, когда я входила, и никто не увидит, когда буду выходить. Я сейчас уйду... Но вначале нам надо поговорить...

Ол подошел к ней и положил руку на плечо.

— Господи! Неужели нельзя поговорить в другом месте и в другое время! Прошу тебя...

Она сбросила его руку. Он не видел ее лица, не мог себе представить его выражения в эту минуту. Реут попятился.

— Я бы хотела, — зло сказала она, — чтобы кто-нибудь сейчас вошел сюда и чтобы эта комедия, наконец, закончилась! Что-то ведь должно было бы произойти, если бы меня здесь нашли.

— Господи! — повторил он. — Миссис Юдита спит рядом, за стеной...

— Пусть спит! Она выключила свет еще час тому назад. И вообще мне нет дела до Юдиты. — Тем не менее она посмотрела на стенку, за которой была комната Юдиты Бедфорд, и понизила голос. — Не бойся, — добавила она уже спокойнее, — Юдита наверняка спит как убитая... Она же сегодня весь день работала.

Реут посмотрел в окно. Далеко внизу светилась лампа за экраном и виднелись две фигуры, склонившиеся над столиком. Он вздохнул облегченно. Потом, не спуская глаз с двух мужчин, сказал:

— Сегодня ночью мне надо закончить вычитку его рукописи. Еще восемьдесят страниц. Если ты уверена, что она спит, скажи, что случилось? Он что-нибудь заподозрил?..

— Нет, ничего не заподозрил... — Сильвия презрительно пожала плечами. — Кроме того, он считает меня настолько выше всяких подозрений, что не поверит ничему, даже если увидит меня сейчас здесь. Ты же его знаешь... А Юдита спит...

Она ошибалась, потому что в эту минуту Юдита Бедфорд не только не спала, но и не лежала в постели. Услышав шепот в соседней комнате, она вскочила и босиком подбежала к камину. Потом наклонилась и сунула голову внутрь. Она была похожа в этот момент на ведьму из кошмарной сказки — в ночной рубашке, с глазами, блестящими в темноте. Сдерживая дыхание, она прислушивалась.

— Не сердись. Я должна была прийти, — сказала Сильвия. Приблизившись, она закинула ему руки на шею, почти силой отворачивая голову от окна. Он неуверенно обнял ее, стараясь по-прежнему наблюдать за садом. Она говорила, положив голову ему на грудь:

— Я больше не могу. Не могу, слышишь! Это должно в конце концов кончиться! Должно, понимаешь?... Я не могу больше ни одного дня видеть его, улыбаться, не могу терпеть, когда он целует меня на ночь. Не могу думать о поездке в Америку... Я бы спокойно могла убить его!..

Она посмотрела ему в глаза и продолжила:

— Могла бы его убить и убью, если ты чего-нибудь не придумаешь!

— Тише!.. — Он прижал ее к себе, но она, очевидно, почувствовала, что он сделал это лишь для того, чтобы она замолчала, поэтому резко отстранилась и сказала зло:

— Ты же видишь, что они ловят там своих проклятых бабочек.

— Но твоя невестка... Если она услышит хоть слово, моментально обо всем доложит ему. Она тебя ненавидит... Пойми, я ему обязан всем и не могу допустить мысли, что он о чем-нибудь узнает... О том, что мы здесь, под его кровом...

— Под его кровом! — повторила она презрительно. Может быть, в эту минуту она поняла, что любит человека, который всего лишь состоит секретарем при известном профессоре и не хочет быть никем другим до конца жизни? Но скорее всего Сильвии хотелось быть слепой. Как огромное большинство женщин с сильным характером, она не видела правды, если не хотела ее увидеть. — Какое мне дело до его крова?.. И вообще, если тебя такое положение не устраивает, давай сбежим. Слышишь?.. — Она снова опустила руки ему на плечи. — Сбежим сегодня же или завтра утром!.. Ох, если бы он вдруг умер! Я была бы самой счастливой женщиной под солнцем!

— Тише... — снова помимо воли сказал он, но в голове молнией промелькнула мысль, что, если Гордон Бедфорд умрет каким-то чудом сегодня ночью, он, Роберт Реут, тоже станет самым счастливым человеком на Земле. Или если бы она вдруг умерла? При одной лишь мысли о том, что эта сумасшедшая девчонка скажет профессору о их связи, он обливался холодным потом...

— Послушай, — мягко сказала Сильвия, прерывая ход его мыслей. — Я вышла за него, оттого что он был очень добр ко мне и потому что он очень богат. Мне казалось, что, кроме покоя, мне ничего не надо. Но теперь мне не нужно ни доброты, ни денег этого старого, проклятого ревматика. Я хочу тебя. И ты будешь моим явно, открыто для всего мира...

Роберт лишь снова испуганно прошептал:

— Тише, ради Бога...

Сильвия потрянула головой.

— Не хочу тихо. Хватит шепота и тайных свиданий. Нам нужно, необходимо что-то придумать, предпринять, так не может больше продолжаться... Роберт... Ты слышишь меня?.. Скажи что-нибудь...

— Я тебя слышу... — шепнул он. — Но что мы можем сделать? Пойми, если мы уедем, я потеряю работу. Я ведь секретарь и живу на те деньги, которые мне платят... И еще должен содержать мать и младшую сестру. Давай больше не будем говорить об этом... — добавил он быстро, — потому что мы ведь никогда не говорили обо мне. Но это все правда. Я отвечаю за них. А ты... ты ведь тоже потеряешь все, не будучи его женой. Сейчас это кажется ерундой, а потом?.. Я ведь не смогу тебя обеспечить. Надо все хорошенько обдумать. Когда ты вернешься из Штатов, мы придумаем что-нибудь...

Он замолк и посмотрел в окно. Силуэты двух мужчин по-прежнему двигались вокруг экрана. Аргумент о матери и сестре он придумал только что. Он вздохнул с облегчением. Это было весомо.

— Хорошо, — сказала она задумчиво. — Может быть, ты и прав. Нужно все обдумать, только...

— Послушай, — Реут снова взглянул в сад. — Профессор, то есть твой муж, может заметить, что у меня погас свет. Они сейчас перестанут ловить бабочек. Позднее двух они никогда не задерживаются. Ночная сырость губительна для профессора... Я сейчас спущусь к ним и спрошу о чем-нибудь... Это объяснит, почему погас свет. А поговорим мы с тобой утром или лучше, когда ты вернешься из Америки... А теперь, разреши, я пойду...

Он сделал движение, как бы уходя, но остановился. Сильвия молча смотрела на него, потом обняла и чуть не плача сказала:

— О Боже, Боже! Как я, глупая, тебя люблю. Хотя должна была бы презирать за трусость... Но я не могу, не могу...

— Кто-то идет со стороны дома, — сказал сэр Гордон Бедфорд и, повернувшись спиной к экрану, попытался разглядеть идущего.

— Я не помешаю? — Реут остановился в нескольких шагах от братьев.

— Вы никогда не мешаєте, Роберт, — усмехнулся сэр Гордон. — Что случилось? Какие-нибудь сложности с вычиткой?

— Нет, господин профессор. У меня всего несколько пометок по пунктуации. Я пришел только спросить, когда вернуть вам рукопись — сразу после вычитки или позднее?

— Да, конечно, сразу. Я как раз минуту назад просил брата предупредить вас, чтобы вы принесли рукопись не к семи, а к шести часам. Мы посмотрим фотографии и разместим их в рукописи. Это займет примерно два часа. Потом поедете в издательство, я договорился с ними, что сдам рукопись до полудня... — Он подошел к своему секретарю и скептически посмотрел на него. — Вот только боюсь, не упадете ли вы от усталости. К сожалению, я не умею работать днем...

— Я чувствую себя отлично, господин профессор, — горячо заверил его Реут.

— Все-таки будет лучше, если вы сейчас вернетесь к себе, дочитаете рукопись и пару часов поспите. У вас ведь есть будильник?

— Конечно, господин профессор...

— Это хорошо. — Он подошел к экрану и посмотрел на двух небольших бабочек, усевшихся на освещенную сторону, потом повернулся к мужчинам. — Пойдемте отсюда. — И снова обратился к Роберту:

— А вы знаете, Роберт, что мы только что поймали четвертую Мертвую голову. Невероятно, правда?

— Четвертую? — искренне удивился Реут, потом лицо его озарилось улыбкой. — Это подтверждает вашу теорию о групповой миграции, господин профессор.

— Ну, конечно! Думаю, что сегодня мы ловили их на трассе перелета. Интересно, каковы результаты наблюдения у немцев и французов? — Он вдруг замолк и потер плечо. — Пошли отсюда. Боюсь, что уже слишком поздно. А сырость для меня губительна! Да к тому же завтра вечером мы летим в Нью-Йорк... Роберт, сверните экран... — Он снова потер плечо. — Мне кажется или действительно похолодало?

— Просто скоро будет гроза, — сказал Цирил Бедфорд, осторожно собирая со столика колбочки и засовывая их в кармашки кожаной сумки. — Кажется, все ревматики чувствуют надвигающуюся грозу, не так ли?

Реут очистил экран от насекомых, аккуратно свернул его, потом так же сложил столик и спросил сэра Гордона:

— Вам принести болеутоляющее?

— Зачем! Пока у меня ничего не болит. Кроме того, в доме тепло, и я надеюсь, никто не устроил сквозняка в кабинете. Пошли. Вы все взяли?

— Все... — Цирил кивнул и пошел первый, светя фонариком.

Остановившись у дверей дома, сэр Гордон посмотрел на часы.

— Скоро два. Заканчивайте, Роберт, и поспите немного. Только помните: ровно в шесть я жду вас обоих. Тебя, Цирил, со всеми фотографиями, а вас, Роберт, с рукописью...

Они вошли, Цирил погасил фонарик и включил свет. Роберт закрыл входную дверь на тяжелый засов, который задвинулся легко и бесшумно, очевидно, хорошо смазанный.

Цирил Бедфорд широко зевнул и сказал:

— Ну, я схожу в лабораторию, проверю, не нужно ли еще сделать ретушь какого-нибудь снимка. И тоже потом вздремну, пожалуй...

— Спокойной ночи, профессор, — сказал Реут и направился к лестнице на второй этаж. Цирил пошел за ним.

— Спокойной ночи... — Сэр Гордон еще задержался около двери. — И не забудьте: в шесть... Потом у меня будет масса дел, а после полудня надо бы еще поспать перед дорогой... К счастью, в самолете мне хорошо спится, и проснусь я, наверное, уже в Нью-Йорке...

Он нажал на ручку и вошел к себе в кабинет.

Старательно прикрыв дверь, он огляделся, нахмурившись. Потом медленно подошел к длинному лабораторному столу, который тянулся вдоль одной из стен. Положил на него сумку с колбами, рядом с ней кепку и вытер платком лоб. Вокруг, от дверей до окна, на всех стенках висели витрины, в которых находились бабочки, большие и маленькие, со сложенными и раскрытыми крыльями, в разных стадиях развития. Гордон невидящим взглядом скользнул по экспонатам своего музея и вернулся глазами к столу, на котором, прислоненный к стене, стоял шкафчик с красной надписью: «Осторожно, яд!». Он вынул из сумки пузырек с цианистым калием,

поставил его в шкафчик, повернул ключ. Потом повернулся к полке с книжками, находящейся неподалеку от стола. Отодвинул книги, которые скрывали экспресс-кофеварку. Сэр Гордон засыпал из небольшой коробки кофе и включил кофеварку. Потом, стоя неподвижно, посмотрел на столик, на котором стояла пишущая машинка.

Услышав, как зашумела кофеварка, вернулся к лабораторному столу и вытащил из одного из ящичков коробочку, в которой лежали прозрачные, белые капсулки. Он вынул одну из них, закрыл коробочку, сунул ее снова в ящик стола. Потом открыл шкафчик с надписью «яд» и вынул оттуда пузырек, недавно туда поставленный. Из бокового ящичка достал резиновые перчатки, надел их, открыл крышку флакона и осторожно, с помощью маленькой ложечки всыпал порошок в капсулку. Закрыл ее, выпрямился и положил на стол. Закрыл и шкафчик с ядом, осмотрел капсулку и, положив ее в одну из многочисленных коробочек, лежащих на краю стола, сунул ее в карман брюк.

Экспресс тихо, мелодично засвистел. Сэр Гордон снял перчатки, быстро подошел к нему и, налив себе кофе в чашку, поставил ее на столик рядом с машинкой.

Затем, задумчиво глядя на облачко пара над чашкой, тихо сказал самому себе:

— Так, так... Как будто, это все...

Медленно подошел он к письменному столу, протянул руку и поднес к глазам фотографию в простой рамке. На ней была его жена Сильвия — красивая, в белом платье, стоящая на тропинке среди цветов. Некоторое время он смотрел на нее, потом поставил на стол точно на то же место, где она стояла прежде.

Подойдя к окну, сэр Гордон отодвинул штору. Рассвет еще не наступил, но ночь уже не была столь непроглядной, как четверть часа тому назад.

— Двадцать первое июня — пробормотал сэр Гордон. — Самый длинный день года... — Он взглянул на часы. Четверть третьего. Он опустил штору и подошел к пишущей машинке. Залпом выпил кофе, отставил чашку, сел и вставил в машинку чистый лист. Некоторое время посидел молча, потом дотронулся до кармана, вынул капсулку, повертел ее в руке и положил обратно в карман.

— Человек не должен бояться того, что он непременно должен сделать, — глухо сказал он, как бы возражая самому себе. С внезапной решимостью он подровнял лист и начал печатать:

«Не могу больше. Я стоял на пути двух людей, которых любил и уважал. Если бы я не ушел, я стал бы виновником продолжающейся всю жизнь трагедии. А так как их счастье представляется мне чем-то гораздо более важным, чем моя жизнь, размышляя о них и о себе, я нашел единственное решение, какое мне кажется возможным. К сожалению, я не смог бы жить без этой одной единственной женщины, которую я любил в жизни. Любимая, не сердись. Прости меня. Пойми, что здесь я бы страдал беспрестанно, глядя на вас. А там... Там будут лишь мрак и пустота...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава третья

«И вот — умер. Это случается с каждым...»

Немецкий истребитель сделал широкий круг и появился наверху, справа, со стороны солнца, которое слепило Алекса. «Истребитель справа, сверху...» — сказал он в микрофон. «Понял. Истребитель справа, сверху», — ответил спокойный голос стрелка-радиста Беньямина Паркера. В ту же самую минуту Алекс услышал длинную бесконечную очередь вражеского пулемета. И сразу же страшная мысль: «Почему молчат наши пулеметы?» Но та, чужая пулеметная очередь продолжалась и никак не кончалась. Джо наклонил нос бомбардировщика и, казалось, ушел от пулеметов. Но пронзительная очередь продолжалась, и Джо проснулся, рывком сел на кровати. Телефон звонил настойчиво. Алекс тихо выругался и взял трубку.

— Алекс слушает.

— О Господи!.. Я сразу понял, что это ты... Кому еще могло прийти в голову будить человека среди ночи таким вот способом?

— Что? Уже день? Ну, тогда, день добрый.

— Надеюсь, кого-то убили. Иначе ты позволил бы мне и дальше пользоваться моим гражданским правом на отдых...

Алекс присвистнул и свободной рукой пригладил волосы.

— Да, конечно, я его знаю. Вернее знал. Это тот профессор, экономист, который много писал о бабочках?..

— Да, конечно, приеду. Буду через пятнадцать минут. Точнее, выеду через пятнадцать минут.

— Очень жаль, но мне нужно побриться. Я не могу думать, пока не приму душ и не побреюсь.

— Верно, но вам не нужно думать. Полиция не думает, полиция действует и оберегает покой жителей.

— Ну, ладно, ладно. Еще лишь одно пустяковое замечание: дай мне адрес. Лондон довольно большой город, и, если я стану в каждом доме подряд спрашивать, не умер ли у них кто-нибудь сегодня ночью, это займет некоторое время.

— Нет. Не буду записывать. Я запомню.

— Понятно. Стартую через пятнадцать минут.

Он положил трубку и начал одеваться.

Прошло полчаса. Алекс повернул направо и повел машину по широкой аллее предместья, по обеим сторонам которой за высокими оградами стояли виллы, утопающие в зелени, носящие все как одна отпечаток царствования королевы Виктории. Хотя архитектура вилл всегда казалась ему проявлением наибольшего духовного упадка в этой области культуры, он тем не менее внимательно смотрел на дома, следя за номерами.

— Пятьдесят... пятьдесят два... пятьдесят четыре...

У тротуара напротив пятьдесят четвертого дома стояли две большие черные машины, которые хорошо были ему знакомы. Одна из них, судя по номеру, принадлежала заместителю начальника следственного отдела уголовной полиции Скотленд-Ярда. Джо остановился рядом с машинами.

Дом под номером пятьдесят четыре был расположен несколько дальше от улицы, чем соседние виллы. С того места, где стоял Джо, можно было видеть только крышу, потому что дикий виноград густо оплетал железные прутья решетки, высокие пики которой были позолочены. Плетви винограда поднимались вверх и круто падали до самого тротуара, образуя у калитки зеленый тоннель.

Алекс вышел и с любопытством огляделся. Значит, вот где жил и умер Гордон Бедфорд.

Джо покачал головой. Казалось, что человек столь зажиточный мог выбрать себе для обитания более веселое место, чем этот несколько мрачноватый, тяжелый дом, находящийся к тому же

довольно далеко от города. Он стоял здесь, пожалуй, не менее восьмидесяти лет. Может быть, здесь жили родители Бедфорда? Возможно, он сам здесь появился на свет.

Алекс подошел к калитке и поднес руку к звонку... Очевидно, на втором этаже располагались спальни, значит, если сэр Бедфорд родился здесь, это должно было произойти именно там.

Он потряс головой. Сонливость все еще не проходила. Но едва он успел нажать на кнопку звонка, дверца распахнулась и появилась фигура полицейского в мундире.

— Кого бы вы хотели видеть, мистер?

— Мое имя Алекс, — сказал Джо, — мистер Паркер просил меня приехать по этому адресу.

— Так точно, мистер Алекс. Мне приказано впустить вас. Проходите, пожалуйста. Эта тропинка приведет вас к дому.

Он козырнул и с улыбкой отступил, давая возможность Алексу войти.

— Благодарю вас, констебль. — Джо заговорщически подмигнул и не спеша пошел по тропинке. Только сейчас он вдруг осознал, что около дома не толпились любопытные, не было машин, кроме полицейских. Это значило, что пресса еще не поставлена в известность, а прислуга не успела ничего рассказать в ближайших магазинчиках.

Входная дверь располагалась справа, в боковой стене дома. Подходя к ней, Алекс обратил внимание на большой, хорошо ухоженный сад в глубине, за домом.

Двери открылись, и в них появился высокий, веснушчатый молодой человек.

— Добрый день, мистер Алекс! — Он сверкнул белозубой улыбкой и наклонился, с почтением пожимая протянутую ему руку. — Вот это дело так дело! — весело продолжал он. — С той самой минуты, как только мы приехали, телефон звонит не переставая. Одни министры! У шефа еще даже не было времени как следует оглядеться. Он только стоит у аппарата и непрерывно отвечает: «Слушаюсь. Так точно».

Джо усмехнулся.

— В таком случае, я думаю, у вашего шефа, Джонс, прекрасное настроение. Для него ведь нет большего удовольствия, чем разговаривать с официальными лицами. Каждый такой разговор — высокая награда за труды и заботы его полицейской жизни.

— Вот именно, мистер Алекс. — Джонс кивнул. — Он так зол, что к нему и подойти-то страшно. Хорошо, что вы приехали.

Из холла в глубину дома вели две двери. Узкая, покрытая ковром лестница поднималась на второй этаж. В углу виднелись каменные ступеньки, очевидно, ведущие в подвал.

— И каковы первые впечатления моего друга Паркера, сержант? — спросил Алекс, продолжая осматриваться.

Джонс развел руками:

— Не знаю, мистер Алекс. Наша машина работает всюю: фотограф, доктор, эксперт — все сидят там. На первый взгляд похоже на самоубийство. Но шеф явно чем-то недоволен. Думаю, поэтому он и позвонил вам.

В этот момент двери открылись, и Алекс увидел в них Беньямина Паркера — заместителя шефа следственного отдела уголовной полиции Скотленд-Ярда. Одновременно сквозняком захлопнуло входную дверь.

— О, — сказал Паркер, — наконец-то... — По его усмешке Джо понял, что заместителю начальника следственного отдела уголовной полиции не очень весело.

Паркер повернулся к сержанту:

— Джонс, они там заканчивают. Когда пришлют отпечатки пальцев, результаты вскрытия и фотографии, сразу давайте их мне, независимо от того, чем я буду занят.

— Слушаюсь, шеф.

— Пошли, — предложил Паркер Алексу и взял его под локоть. — Через несколько минут мои люди закончат работу, и мы сможем войти в помещение, где наступила смерть. А пока пойдем в столовую...

Они вошли в большую, мрачноватую комнату, посередине которой стоял, а вернее, тянулся длинный огромный стол, окруженный стульями.

На двух стенах висели фамильные портреты XVIII–XIX веков, а у третьей стоял прекрасный буфет в стиле неоклассицизма, так сильно напоминающий последние работы Томаса Шиппендейла, что Алекс подошел, чтобы получше разглядеть его.

— Что ты там увидел? — спросил Паркер.

— Да так, ничего особенного. Во всяком случае, ничего, связанного с твоей профессией. Просто мне кажется, что это одна из лучших работ Шиппендейла.

— Да что ты! — возразил Паркер. — Мебель Шиппендейла выглядит совершенно иначе.

— Это верно, — ответил Алекс, — но в конце жизни Шиппендейл занимался именно такой «столяркой», как он скромно называл свое творчество. И я просто уверен, что это его работа...

— Ладно, ладно. Согласен. Только избавь меня от рассуждений о стилях мебели. У меня голова идет кругом.

— Ах да, — вздохнул Алекс. — Я и забыл, что единственный предмет мебели, которым ты интересуешься, — это гроб. — Он подошел к столу, сел, вытащил пачку своих любимых «Голд Флейк» и закурил.

Некоторое время они молчали. Из-за закрытых дверей напротив буфета доносились шаги и приглушенные голоса.

— Так что же случилось? — спросил Джо. — Ты разбудил меня ни свет ни заря, я приехал на место происшествия и до сих пор не видел не только труп, но и вообще никого, кроме твоих фараонов. Этот человек, он что, жил один?

— Что ты! В доме полно людей: жена, брат, невестка, секретарь, горничная — все были здесь, рядом с ним, когда он умер... Все спали, и никто ничего не слышал.

— Он что, застрелился?

— Нет, — Паркер покачал головой. — ЦК в кофе.

— Что, что? — Джо удивленно поднял брови. — Я не силен в токсикологии. Что означает ЦК?

— Цианистый калий.

— Благодарю. Он в одиночестве пил этот кофе?

— Похоже, что да.

— В котором часу?

— Примерно от половины третьего до четырех утра, как утверждает доктор Беркли. При этом добавляет, что точнее скажет после вскрытия.

— В таком случае, что могли слышать домашние? — Алекс встал, поискал пепельницу.

— Не знаю, что... Ничего не знаю. Пару минут я поговорил с ними со всеми. Никто не бьется в истерику. Все ведут себя сдержанно, как и подобает нашим британским братьям и сестрам, но не нравятся они мне все до одного. Я им велел разойтись по своим комнатам, и они сидят там под присмотром Стефенса, который прогуливается по коридору, Джонс стоит в холле. Это единственный выход из дома.

— А самоубийство ты не допускаешь?

— Конечно, допускаю. Перед ним даже лежало прощальное письмо.

— Ну, так значит. — Джо сел и зевнул. — Значит, разве мы не можем принять единственную приемлемую гипотезу, то есть сказать себе, что сэр Гордон Бедфорд, несмотря на то, что был обладателем редкостного по художественной ценности буфета, решил свести счеты с жизнью? Если мы решим именно так — я поеду домой и снова залезу в постель. И усну мгновенно, можешь мне поверить... Он взглянул на часы. — Семь! Боже мой!.. А ты, хоть и похож на человека, который никогда не спит, вернешься в Ярд и после телефонных звонков всем заинтересованным лицам займешься любимыми канцелярскими делами. Ну что, Бен, договорились? Ведь у тебя в руках прощальное письмо, во-первых, во-вторых, как мне кажется, нет ни одного подозреваемого, иначе ты бы мне об этом сказал, и, в-третьих, ни одной зацепки. Разве не так? Мне непонятно только одно: почему ты сейчас выглядишь так, будто сам его убил?

— Если бы я его убил, я бы по крайней мере знал, что здесь произошло. В данный момент я не понимаю ничего абсолютно. Ты, надеюсь, знаешь, кем был Гордон Бедфорд?

— Знаю. Очень богатый господин среднего... ну, скажем, скорее, пожилого возраста, имевший самые разнообразные интересы и влюбленный в ночных бабочек. Он был даже профессором в Оксфорде, не так ли? И вот — умер. Это случается с каждым. Очевидно, он был сыт по горло жизнью и написал перед смертью прощальное письмо, в котором объясняет причины своего поступка. И это тоже бывает довольно часто.

— Да уж... — Паркер усмехнулся с неожиданной злостью. — Оставил, конечно. Только не одно, а два предсмертных письма, и вдобавок в каждом из них причина, как ты говоришь, поступка, называется разная. А это, насколько я понимаю, не так уж часто встречается, не правда ли?

— Ну, наконец-то! — Джо встал. Вся сонливость его исчезла в мгновение ока, будто кто-то вылил на него ушат ледяной воды. — Я так и знал, что у тебя что-то есть про запас, старый мошенник. Представляю, как это все выглядело: ты приезжаешь, находишь предсмертное письмо, с облегчением вздыхаешь, потом заглядываешь куда-то и... обнаруживаешь второе письмо. А потом начинаются звонки различных высокопоставленных лиц, которые от тебя как от замначальника следственного отдела требуют немедленно, в течение двух минут, дать компетентное заключение о причине смерти, о результатах расследования, требуют назвать имя убийцы, мотивы и представить собственноручное признание ужасного отравителя, написанное при двух свидетелях. Бедный ты, бедный! Но не отчаивайся, я с тобой! — он рассмеялся и погасил сигарету. Потом посерьезнел и спросил:

— Я похоже нарисовал картинку, Бен?

Паркер вздохнул:

— Так оно примерно и есть.

Джо понимающе кивнул:

— Итак, я слушаю тебя, Бен. Рассказывай все, что знаешь, и возьмемся за работу, ибо, — он снова взглянул на часы, — кто рано встает... — он выжидательно замолчал.

— Я только и мечтаю начать работать, да ты не даешь мне слова сказать. Так вот, слушай...

Глава четвертая

«В центре витрины между двух огромных бабочек...»

Паркер глубоко вздохнул и начал:

— Должен тебе сказать, что в течение последних двадцати минут мне звонили: во-первых, мой шеф, потом шеф моего шефа, потом министр, потом снова мой шеф по требованию какого-то финансового туза, потом другой министр. Все коротко, по-деловому требовали немедленных результатов следствия. В конце концов я сам позвонил шефу, умоляя, чтобы он защитил меня от них и оградил от репортеров. Честно говоря, в моем распоряжении было всего-навсего несколько минут на разговор с обитателями дома и осмотр комнаты, где найдено тело. Этого хватило, чтобы позвонить тебе. Однако прежде о Бедфорде... Бедфорд не был ни мультимиллионером, ни биржевым воротилой, смерть которого могла бы отразиться на курсе акций всего мира. Конечно, он обладал значительным состоянием, и до недавнего времени его интересы были весьма широки, но он оставил дела и посвятил все свое время жене, с которой познакомился несколько лет тому назад и на которой женился через пару недель после знакомства, и бабочкам, которых любил с детства. Как ты уже вспоминал, он получил даже звание *Honoris kauza* за свои работы по бабочкам. Конечно, как знаток жизни бабочек он был известен лишь узкому кругу специалистов, и я не понимаю, например, откуда тебе это может быть известно?..

Джо лишь усмехнулся в ответ, и Паркер продолжил:

— В кругах специалистов, в том числе в Сити, он больше всего был известен как эксперт по финансовым вопросам. Очевидно, он обладал гениальным чутьем предвидения результатов заключения контрактов и развития международной торговли. Он был даже постоянным советником правительства при заключении международных контрактов. Он знал множество тайн, и через его руки проходило немало совершенно секретных проектов, касающихся таможенных тарифов, международного товарного оборота, и десятки других, о которых ни ты, ни я никогда не узнаем. Его добросовестность вошла в поговорку, а это тем более важно, если вспомнить, как широко используется подкуп в области внешней торговли. Бедфорда ценили больше всего именно за его абсолютное отрицание какого-либо вида взяток и полуправильных игр. У него было много врагов, его боялись. Самоубийство такого человека, а вернее, определение — была ли смерть результатом самоубийства, а если да, то установление причины — интересует самых высокопоставленных лиц. Поэтому они требуют от меня скорейших предварительных результатов

расследования. Естественно, я немедленно информировал кого следует о том, что собираюсь привлечь тебя к работе. К счастью, они согласились, сказав, что уверены и в твоих способностях, и в молчаливости. И то и другое нам должно очень пригодиться, так как, если в ближайшее время мы не выясним, в чем тут дело, мы можем оказаться перед тем, что пресса называет неразрешимой загадкой. Если нам не помогут отпечатки пальцев или если кто-нибудь не заговорит, то не знаю, что мы будем делать...

Он не договорил. Раздался стук в дверь. Показалась рыжеволосая голова Джонса.

— Наши люди закончили, шеф. Через десять минут приедет машина за телом. Оставить его в том положении, в каком он сидел?

— Да, — ответил Паркер и встал. — Нужно еще раз осмотреть место происшествия, пусть люди из морга подождут. Я скажу им, когда тело можно будет забрать.

— Слушаюсь, шеф.

Джонс исчез. Паркер направился было к дверям, но задержался и сказал:

— В шесть часов утра или в самом начале седьмого секретарь покойного Роберт Реут позвонил живущему поблизости доктору Гарднеру и сообщил, что нашел сэра Гордона сидящим за письменным столом в кабинете, без признаков жизни. Врач прибыл минут через десять и сразу же констатировал смерть. Письмо, лежащее перед покойным на столе, и легкий запах горького миндаля изо рта покойного позволили ему предположить, что сэр Гордон Бедфорд совершил самоубийство, всыпав в кофе этот самый ЦК, или цианистый калий. Запас яда находился здесь же в кабинете и использовался ранее для умерщвления насекомых.

— Кто меч поднимет... — пробормотал Алекс и добавил: — Ну, пойдем взглянем на поле битвы... — И первым направился к кабинету покойного. Паркер опередил его и открыл дверь.

Поскольку единственное большое окно кабинета сэра Гордона было закрыто шторой, а комнату освещала лишь стоящая на письменном столе небольшая лампа, Джо постоял немного, пытаясь привыкнуть к полумраку.

Паркер быстро пересек кабинет и включил большую шестирожковую люстру.

Сэр Гордон Бедфорд сидел за столом, а вернее, лежал на нем грудью. С того места, где они стояли, нельзя было увидеть лица.

Джо огляделся.

Полка с книгами, письменный стол, длинный лабораторный стол, уставленный колбами и какими-то приборами... Небольшой столик, на нем пишущая машинка и рядом кресло... А по стенам от окна до расположенных напротив дверей тянулись ряды больших витрин, полные неподвижных бабочек, насаженных на булавки и выстроенных в ровные шеренги, словно эскадрильи самолетов на фоне неба — темной ткани, которой были обиты витрины.

Не двигаясь с места, Джо спросил:

— Дом был закрыт изнутри?

— Да.

— Когда я шел по тропинке, на одном из окон заметил решетку...

— Решетки здесь на всех окнах. Ты же знаешь этот стиль: фигурные, кованые, кажущиеся легкими, а на самом деле солидные, крепкие. Люди тех давних времен очень заботились о своей безопасности... Им хотелось спать спокойно...

— Все верно... — буркнул Алекс. — Вот они и уснули все и на веки веков, аминь. — Он подошел к окну и отодвинул штору. Несмотря на раннюю весеннюю пору, в саду было много цветов. Некоторое время он смотрел на них, потом спросил:

— А входные двери?

— На них замок автоматически защелкивается и есть еще засов. И вообще, в этом доме даже калитка всегда закрыта на ключ. Сэр Гордон категорически требовал от всех обитателей дома, чтобы во время его приезда сюда у каждого был ключ от автоматического замка и чтобы двери постоянно были закрыты. Здесь он часто хранил важные документы, с которыми работал во время уик-энда, и хотел поэтому иметь твердые гарантии, что никто посторонний не сможет пробраться в дом. Наш эксперт проверил все замки и решетки. Они в порядке. Никаких следов взлома. Входная дверь закрыта на засов. В частности поэтому можно сказать, что если это не самоубийство, то...

— То убийца находился среди обитателей дома, так? — Алекс отвернулся от окна. — А кто был в доме прошлой ночью?

— Здесь находились: жена покойного Сильвия Бедфорд; его брат Цирил Бедфорд; его секретарь Роберт Реут; его невестка Юдита Бедфорд; горничная Агнесс Уайт.

— Кухарки у них разве нет?

— Есть, но она уехала к больному сыну.

— Понятно. Еще один момент. Ты, кажется, сказал «во время его приездов сюда...» Значит, Бедфорд не постоянно жил здесь?

— Нет. У него была квартира в Сити, а здесь он только проводил уик-энд и еще приезжал, чтобы в покое позаниматься своими любимыми бабочками. Здесь постоянно жили только его брат с женой и прислуга.

— Та-а-ак! — Джо отвернулся от окна.

— А теперь перейдем к этим предсмертным письмам. — Паркер подошел к письменному столу, Джо последовал за ним и остановился около покойного.

Гордон Бедфорд, очевидно, был гигантом. Его тяжелые плечи закрывали практически всю поверхность письменного стола, а пальцы свисающей к полу правой руки, под которой виднелись осколки маленькой чашечки с позолоченным ободком, больше напоминали пальцы боксера, чем ученого. Когда Паркер с определенным усилием поднял голову и плечи покойного, Джо вздрогнул. На лице сэра Гордона Бедфорда застыло то таинственное выражение, которое Гиппократ тысячи лет тому назад назвал иронической усмешкой смерти. Яд, очевидно, подействовал мгновенно.

Шеф полиции осторожно откинул тело на спинку стула. Секунду Алексу казалось, что владелец этого дома вот-вот взорвется смехом. Но искривленные черты остались неподвижными.

Паркер показал пальцем на лежащий на письменном столе листок.

— Это письмо я нашел сразу... — сказал он. — Все это уже сфотографировано и со всего сняты отпечатки пальцев, так что можно свободно брать любую вещь. Возьми письмо и прочти.

Алекс взял листок в руки и прочел:

В жизни моей были дела и поступки, которые в конце концов привели к этому шагу. Возможно, что о них никто никогда не узнает. Из этой области мало что доходит до слуха непосвященных. Поэтому не стоит вдаваться в подробности. Люди, которых я мог бы назвать, легко подтвердят правду, заключенную в этом письме, но они никогда не сделают этого и никто их не заставит это сделать. Никто им никогда ничего не докажет. Но правда одна и заключается в следующем: я родился в порядочной семье, мои родители и деды были людьми безукоризненно честными и сам я тоже начал работать как честный человек и хотел им остаться до конца. Но, к сожалению, я поддался искушению. Уже тогда я собирался покончить с собой. Я знал, что не могу так легко обманывать, как это делают другие. Но тогда мне не хватило смелости. А потом, когда я понял, что совершенное преступление никто с меня не смоет, я начал погружаться еще глубже. Моя отличная репутация лишь помогала мне в этом. Постепенно я стал мошенничать и брать взятки с легкостью, удивлявшей меня самого, как будто верил, что под следующим пятном исчезает предыдущее. Возможно, мне казалось, что таким образом я научусь быть циничнее? Что в конце концов забуду, что мои поступки — преступления? Но этого я забыть не мог. Решение, которое сегодня я должен осуществить, зрело во мне давно. Оно не является для меня чем-то новым, хотя для многих моих коллег и друзей окажется полной неожиданностью. Нет, я не финансовый бог и даже не обычный порядочный человек. Я изменил своей стране и своему доброму имени ради корысти. Ничего исправить уже нельзя. Но, признаваясь в своих преступлениях перед смертью, я надеюсь, что, возможно, Господь милосердный простит мне хотя бы малую часть моей вины, а люди, которые мне верили и которых я так низко обманывал, поймут, что я не совсем уж плохой человек. Я сам себе определил меру наказания. Пусть моя судьба будет предостережением для всех тех, кто считает, что деньги — двигатель всего и единственная цель в этом самом трудном из миров. Чистую совесть нельзя купить ни за какие деньги. До свидания, моя дорогая Сильвия. Ты была единственным светлым

лучом в моей жизни. Ты была чистой, верной и честной, достойной гораздо более лучшего человека, чем я. Пишу „до свидания“, потому что верю, что мы еще встретимся там, куда не достигает эхо человеческих слабостей, а наказание искупает вину. Верю, что так оно и будет! Одна мечта утешает меня: мечта увидеть тебя на том, лучшем свете. Пусть в твоей чистой душе найдется хоть немного жалости и снисхождения для другой души, не столь чистой и не столь устойчивой к искушениям. Прошу тебя, прости! Твой, всегда и бесконечно Гордон.

Алекс сложил письмо и осторожно положил его вновь на письменный стол.

— И что ты думаешь об этом? — спросил Паркер, беря письмо и вкладывая его в большой белый конверт.

— Настолько трогательно и банально, что могло бы быть правдивым, — пробормотал Джо. — «Чистую совесть нельзя купить ни за какие деньги...» — Очень правдиво, хотя стиль ужасный. — Он огляделся. Взгляд всюду наткнулся на бабочек — с распростертыми крыльями и отдыхающих, больших и маленьких, темных и ярких, насаженных на булавки, мертвых как...

Он перевел взгляд на письменный стол.

— А что, тело находится точно в том же положении, в каком его нашли?

— Да. Если и есть какие-нибудь отклонения, то по фотографиям можно все восстановить в точности.

Джо обошел письменный стол и посмотрел вниз, куда указывала рука покойного. Под ней лежала разбитая чашка, на осколках которой виднелись остатки кофе. По другую сторону тела лежало разбитое блюдечко.

— И что ты об этом думаешь? — Алекс наклонился, понюхал чашку, потом показал на блюдечко и выпрямился.

— Ну что можно сказать? — Паркер пожал плечами. — Скорее всего он держал в руках чашку на блюдечке, как обычно делают все. Смерть наступила мгновенно. Чашку он держал в правой руке, а блюдечко в левой.

Алекс кивнул:

— Ты прав, но чашка выпала у него из руки, а блюдечко просто соскользнуло с колен, уже после смерти... Вот, смотри, — он показал на брюки покойного, — здесь след кофе... Да... — Он обошел кресло еще раз и снова наклонился. — Это должно было произойти именно так... Любопытно...

— Мне больше всего любопытно, почему тебя не интересует второе предсмертное письмо?

— Как так? Конечно, интересует, и еще как! Но еще больше меня интересует то, что здесь произошло. Первое письмо написано на пишущей машинке и даже подпись машинописная. Это та самая машинка?

Паркер подошел к машинке, ударил по клавишам и сказал:

— Да. Это портативный «Ундервуд». Куплена полгода назад и доступна всем домашним. Оба письма написаны на ней, второе я нашел вот здесь. — Он подошел к столу и поднял лежащую на нем папку. Из-под нее он взял сложенный вдвое листок. Паркер молча подал его Алексу.

...Не могу больше. Я стоял на пути двух людей, которых любил и уважал. Если бы я не ушел, я стал бы виновником продолжающейся всю жизнь трагедии. А так как их счастье представляется мне чем-то гораздо более важным, чем моя жизнь, размышляя о них и о себе, я нашел единственное решение, какое мне кажется возможным. К сожалению, я не смог бы жить без этой единственной женщины, которую я любил в жизни. Любимая, не сердись. Прости меня. Пойми, что здесь я бы страдал беспрестанно, глядя на вас. А там... Там будут лишь мрак и пустота...

Джо закончил чтение, вернул листок Паркеру. Тот сунул его в конверт, где уже лежало первое письмо.

— Да... Забавно...

— Меня это мало веселит... — пробурчал Паркер. — Ты что-нибудь понимаешь?

— В лучшем случае сэр Гордон Бедфорд похож на человека, который решил покончить с собой и старался выбрать наиболее эффектную причину. И заявил сразу о двух: угрызения совести и обманутая любовь. Жаль только, что он предложил их нам обе вместе. Кроме всего прочего, меня интересует, как можно писать такие экзальтированные письма на машинке?.. Он ведь умел пользоваться ручкой...

Джо подошел к столу и еще раз поднял раскрытую папку, из-под которой Паркер вытащил минуту назад письмо номер два. В папке между страницами лежала открытая авторучка.

— С нее тоже сняли отпечатки пальцев?

— Конечно.

Джо положил авторучку на стол и осмотрел книгу.

— Его рукопись, — сказал он, хотя это и так было ясно. — Похоже на то, что именно ее он правил. — Он замолк и некоторое время читал текст, шевеля губами, потом повторил вполголоса:

— «В окрестностях западного Лондона перелет *Atropos L* происходит в период...»

Он поднял голову и посмотрел на Паркера, который стоял у стола со скрещенными на груди руками.

— Любопытно, не правда ли? — сказал Джо. — Такой специалист, как сэр Гордон, наверное, знал, в какие периоды происходят перелеты *Atropos* в окрестностях западного Лондона?

— О чем ты говоришь, Господи? — Паркер подошел и заглянул ему через плечо.

— О том, что очень странно, почему сэр Гордон прервал фразу именно в этом месте. Как видишь, это последняя поправка на странице. Похоже, он дочитал именно до этого места и что-то помешало ему.

— Так... — Паркер взял авторучку. — Может быть, он просто не стал читать дальше.

— Вот именно. А почему? Уж больно маловероятно, что он поправил половину предложения, отложил ручку и совершил самоубийство. Как ты думаешь?

Паркер, не отвечая, вытащил свой блокнот и быстро написал одно слово:

УБИЙСТВО!!!

После последнего восклицательного знака он поднял ручку и сравнил свою подпись с правкой в рукописи.

— Да, это одна и та же авторучка, те же чернила — зеленые.

Как бы не слыша его, Алекс закрыл папку, прочел на папке:

ГОРДОН БЕДФОРД. Перелеты Atropos L

(Опыт описания общих черт явления на основе экспериментов в 1957–1961 гг)

Джо положил папку снова на то же самое место на стол и взглянул на покойного, который сидел теперь с головой, откинутой на спинку кресла.

— Бабочки и финансы... — Алекс подошел поближе и некоторое время внимательно всматривался в неподвижное лицо. — Он и после смерти выглядит таким, каким должен был быть: спокойным, уравновешенным англичанином, приличным человеком, вежливым, учтивым. Этот мощный подбородок свидетельствует об убежденности, что жизнь в его представлении не крутая дорога, полная ухабов и ям, но ровный прямой тракт, по которому можно ехать совершенно свободно при условии соблюдения дорожных правил... Наверняка он читал Шекспира, брезговал ложью, употреблял одеколон лаванду, любил монархию и верил, что человек должен работать солидно, каждый на том месте, которое определено ему судьбой... в глубине души он презирал людей слабых, не знал страха, уважал прямую, честную игру, и вообще он родился на несколько десятков лет позже своего времени. Кроме того, он был еще и очень педантичным. Интересно, почему на нем такой толстый свитер? Ночью было очень тепло...

— У него, кажется, был ревматизм, — сказал Паркер. — На полке в шкафчике я нашел болеутоляющие таблетки.

— Очевидно... — Джо вернулся взглядом к столу. — А в этой рамке наверняка изображение его любимой Сильвии, ради которой, если судить по одному из писем, он оставил юдоль слез... Интересно, как она выглядит в жизни?...

Он взял в руки фотографию в рамке, некоторое время смотрел на нее и меланхолично покачал головой.

— Если это Сильвия Бедфорд, то можно предположить, что она красива, хотя черты лица определить трудно. Смотри сам.

И он подал ему рамку. Паркер взглянул на нее без интереса, потом посмотрел еще раз и пробормотал:

— Это еще что такое?

— Вот именно... — Джо посмотрел на покойного. — Надеюсь, сэр Гордон не был фетишистом. Есть такие племена в Малайзии, у которых существует обычай рисовать у себя на теле портреты умерших, чтобы продлить им жизнь. Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь брал с собой в последний путь изображение любимой. Интересно, эта вырезанная головка где-нибудь здесь? Вы обыскивали комнату?

— Вроде бы... — Паркер невольно почесал в затылке. — Очевидно, такой крошечный кусочек фотографии могли и не заметить мои люди, особенно, если она где-нибудь лежит в бумагах, но...

Джо наклонился к корзине для бумаг.

— Ты смотрел здесь?

— Смотрел. — Паркер кивнул. — Мы там нашли только большую бабочку, очевидно ненужную... Конечно, мы ее сфотографировали, и если на ней остались отпечатки пальцев, то мы их получим. Я велел все уложить так, как было до нашего прихода...

Алекс сунул руку в корзину и выпрямился, держа в руке огромную бабочку. Она была пробита булавкой.

— Легкая, почти невесомая, — сказал он тихо. — Наверное, погибла давно и успела совершенно высохнуть...

Паркер подошел и тоже стал присматриваться к бабочке, потом с отвращением произнес:

— Мерзость. Не понимаю, как нормальный человек может... — Он умолк, потому что Алекс уже не смотрел на бабочку. Взгляд его блуждал по витринам и вдруг остановился.

— Что это еще? — пробормотал он и, продолжая держать бабочку в пальцах, подошел к витрине за спиной покойного.

На темно-синей ткани распростерлись две огромные, ночные бабочки. Пониже головы у них виднелись изображения черепов. Обе были абсолютно такие же, как та, которую Джо держал в руке. Над бабочками виднелась надпись:

ACHEROMTIAE ATROPOS I

(Бражник «Мертвая голова». Пойманы в Лондоне 1–7 июля 1959)

Но оба стоящие перед витриной мужчины не смотрели на бабочек. Неподвижными взглядами они изумленно всматривались в третий экспонат, помещавшийся как раз посреди двух насекомых. Это была голова женщины, вырезанная из небольшой фотографии и наколотая на булавку.

Глава пятая

«У меня на руках уже все рапорты...»

Первым очнулся Паркер. Он подошел к витрине так близко, что едва не коснулся лбом стекла.

— Будь я проклят, — сказал он сдавленным голосом. — Пусть я превращусь в бабочку, нанизанную на булавку, если это не та самая голова, которой не хватает на нашей фотографии!

— Наверняка, она! — Алекс еще минуту смотрел на вырезанную из фотографии головку, потом вернулся к столу и взял рамку. — Атропос, — пробормотал он. — Как же они назывались?.. Атропа, Клото, Лахесис... Три сестры...

— Какие сестры? — Паркер с недоумением посмотрел на него.

— Парки. Атропа это как раз та, которая перерезала нить жизни человека.

— Как это? Ты точно это знаешь?

— Абсолютно точно. — Джо чуть заметно усмехнулся. — Мифология в отличие от следствия имеет тот плюс, что в ней все остается неизменным на протяжении веков и от нее трудно ждать каких-либо сюрпризов.

Он подошел к столу и поочередно выдвинул два ящика — оба пустые, если не считать небрежно валяющихся нескольких карандашей и стирательной резинки.

— Наш покойник, судя по всему, не пользовался ящиками стола.

Паркер пожал плечами:

— Очевидно, потому, что привозил на уик-энды всю работу с собой.

Джо подошел к длинному лабораторному столу, еще раз оглядел предметы на нем и открыл шкафчик с надписью «Осторожно, яд!». Заглянул туда, отодвинул в сторону герметично закрытый флакон с белым порошком, потом выдвинул еще раз поочередно ящики стола, подошел к кофеварке, укрытой книжками, заглянул в глубину, сунул руку за аппарат, пошарил там и, наконец, выпрямился. Паркер все это время следил за ним взглядом.

— Больше тайников здесь нет... — пробормотал Джо. Он еще раз подошел к столу и осмотрел сумку с колбами. По очереди поднес каждую к свету и снова поставил их на стол. Потом заглянул в кармашки для колбочек.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Паркер.

— Минуточку... — Джо подошел к лежащим на столе инструментам, осмотрел их, поднял длинные, прямые ножницы и опять положил их на место.

— Чего ты ищешь? — спросил Паркер.

— Видишь ли, когда я сказал, что Атропа перерезала нить человеческой жизни, я подумал, что, очевидно, и фотография изрезана ножницами... Только где они? Этими большими вряд ли удобно орудовать... Видишь, головка вырезана маленькими, кривыми ножничками, которые обычно используются женщинами для маникюра...

Паркер подошел к столу и вместе с ним некоторое время рассматривал изуродованную фотографию, потом сказал:

— Да, представь себе, буквально минуту назад и я думал о том же, но эта находка в витрине отвлекла меня.

— Человек, который это сделал, либо оставил ножнички на видном месте, либо спрятал их, но, конечно, не здесь.

Он взял лупу и подошел к витрине.

— Ткань пыльная и отчетливо видны отпечатки пальцев. Кто-то, кто интересовался витриной, почему-то не подумал о том, чтобы скрыть свои следы... Или действовал в резиновых перчатках... Кстати, пара таких перчаток лежит в ящике большого стола... Когда тебе дадут результаты исследования отпечатков пальцев и медицинские анализы?

— Надеюсь, примерно через полчаса. Я просил их срочно, но мои люди знают, что, если я говорю «срочно», значит, это очень важно, и будут делать все тщательнее, чем обычно.

— Та-а-ак! — Джо вздохнул. — Это очень любопытное дело, Бен. И как никогда раньше, меня интересуют все отпечатки пальцев в этой комнате.

— Да ведь мы еще не допросили никого!

— Именно поэтому.

— Не понимаю, — с искренним недоумением сказал Паркер. — Ты что, хочешь сказать, что уже что-то знаешь?

— Ничего подобного. Пока у меня в голове полный хаос. Но фактов масса. А когда фактов так много, серые клеточки нашего мозга выдвигают множество предположений. Хуже всего, что убийство это «сухое», то есть убийца не старается особенно запутать следы...

— Значит, ты считаешь, что это убийство?

— Не знаю... — Джо развел руками. — Пока еще у нас нет всех, даже официальных данных... Но думаю, что убийство.

— Из-за этих двух предсмертных писем?

— Да нет, что ты! В конце концов самоубийца мог написать и два совершенно разных письма. В одном из них он хотел скрыть истинную причину и показать ложную. А потом под влиянием эмоций (ибо факт лишения себя жизни всегда связан с эмоциональным напряжением) он мог

забыть о прежнем неправдивом письме и написать правду... Нет, письма меня ни в чем не убеждают. И наоборот, если сэр Гордон был убит, они оба очень важны для следствия.

— Чем именно?

— Если бы я знал! Пока еще я ничего не знаю. Послушай, Бен, неужели это все, что вы нашли? Может быть, есть еще что-нибудь?

— Конечно. В правом кармане брюк у него была капсула с цианистым калием.

Он подошел к покойному и осторожно вынул из кармана капсулу. Алекс бросил на нее взгляд и отвернулся к столу, бросив:

— Еще того не легче. — Потом наклонился над столом и, отодвинув папку с рукописью, взял в руки небольшой, черный блокнотик. Открыл его и спросил:

— Ты смотрел что здесь?

— Не успел... — Паркер подошел, и они вместе склонились над книжкой.

«19/VI...проверить заказ на авиабилеты... Сказать Р., чтобы позвонил Ц. и предупредил, что мы приезжаем на уик-энд.

20/VI. Конечно, флакон, попросить его, чтобы пересыпал обратно. То же самое с кофе. Быть после этого нежным с ней.

21/VI. Сжечь! Помнить о разложенной работе... Попросить его написать несколько слов. Сжечь!»

— Гм... — Паркер покачал головой. — Любопытные заметки... Не похоже ни на биологические, ни на экономические.

— Пожалуй... — Джо взял лупу и снова подошел к витрине. — Красивая девушка, — пробормотал он. — Темноволосая, большие, чуть раскосые глаза, смотрит серьезно. Приятное лицо, но без тени улыбки. Интересно, всегда ли этот ротик говорит правду? Физиогномика очень неточная наука. — Он повернулся к покойному. — Если эта фотография сделана недавно, то миссис Бедфорд намного младше своего супруга.

— Она моложе на тридцать лет. — Паркер вынул из бокового кармана свой блокнот, сверился с записями в нем и подтвердил: — Да, на тридцать, даже на тридцать один год. Ей двадцать семь, ему пятьдесят восемь...

— Шекспир на основе этой сухой арифметики чисел создал бы трагедию, в которой было бы трупов в пять раз больше, чем у нас. Но мы можем и ошибиться, хотя одно из писем прямо указывает на разницу в возрасте как на причину смерти. Эта женская головка между двух черепов — тоже намек довольно прозрачный...

— Должен признаться, что для меня в этой шуточке мало смешного... — Паркер подошел к дверям и высунулся в коридор. В образовавшейся щели Джо увидел сержанта Джонса, разговаривающего с высокой девушкой в черном платье с белым передником. Очевидно, это была горничная.

— Джонс! — позвал Паркер.

— Я здесь, шеф.

— Прошу прощения, если я помешал вам приятно проводить время, — начал заместитель шефа следственного отдела, — но потрудитесь, пожалуйста, немедленно послать эту витрину на экспертизу по выявлению отпечатков пальцев...

— Слушаюсь, шеф.

— Пошли, — сказал Паркер Алексу и взял его под руку. Выходя из кабинета, он еще крикнул Джонсу: — Как только привезут результаты экспертизы, немедленно доложите мне. — Прежде чем покинуть кабинет и перейти в столовую, он еще раз окинул ее взглядом и перечислил:

— Микроскоп... Чистые стеклышки в коробочке... булавки в открытой коробке... стеклянная банка с ватой, накрытая крышкой... щипцы разных размеров... сумка... в одном ящичке коробочки, в другом резиновые перчатки, очевидно, необходимые при работе с ядом...

Джонс снова появился в дверях.

— Его, — он кивнул на покойного, — можно уже забрать, шеф?

— Увозите, — сказал Паркер и вслед за Алексом перешел в столовую, где остановился у стола и спросил:

— И что ты думаешь обо всем этом?

— Думаю? — Джо пожал плечами. — Думаю, что... Не знаю... Нет никаких оснований в данную минуту делать какие-либо выводы. Подождем...

— Подождем... — Паркер криво усмехнулся и сел, подвигая к себе стул ногой. — К сожалению, размышления во время следствия входят в мои обязанности.

— У убийцы тоже есть свои профессиональные обязанности, куда входит прежде всего обязанность не быть пойманным. Если же говорить о том, что мы знаем, то знаем мы не много, а именно: что сэр Гордон Бедфорд скорее был убит одним из пяти людей, находящихся в настоящее время здесь, под охраной твоих бравых молодцов. Тот факт, что я пока еще не видел никого из этих людей, мало что меняет.

— Я тоже так думаю, хотя и с меньшей уверенностью.

Они замолчали. Из кабинета донеслись звуки тяжелых шагов и голос сержанта Джонса:

— Сюда, ребята.

Алекс встал и подошел к дверям, ведущим в холл. Они легко открылись. Четверо молодых людей, сгибающихся под тяжестью носилок, шли к выходу по коридору.

— О Господи, — сказал один из них. — Какой же он тяжелый.

Провожаемый этими словами сэр Гордон Бедфорд в последний раз пересек порог дома, в котором появился на свет.

Вдалеке послышался вой сирены, сначала слабый, потом все сильнее. Когда сирена умолкла перед калиткой, Джо сказал другу:

— Кажется, кто-то к тебе.

Алекс сел за стол, прикрыл глаза и на ощупь залез в карман, откуда вытащил пачку «Голд Флейк». Несколько секунд он не думал о смерти Бедфорда, старательно прикуривая.

Дверь скрипнула, Алекс открыл глаза и увидел Паркера с конвертом в руках.

— Есть результаты экспертизы, — сказал он, сел к столу и поспешно распечатал конверт. Пробежал лист бумаги, потом прочел:

Описание следов, найденных на предметах и мебели сэра Гордона Бедфорда.

1. На внешней и внутренней ручках дверей холла: отпечатки пальцев, идентифицированные как отпечатки Юдиты Бедфорд и мистера Роберта Реута, у которых взяты отпечатки пальцев. Отпечаток большого пальца мистера Реута покрывает отпечаток указательного пальца левой руки миссис Юдиты Бедфорд, что говорит о том, что мистер Реут прикасался к ручке позже. Кроме этих, на ручках нет никаких следов, следовательно, они были тщательно вытерты.

2. На замке окна нет никаких следов, он также был вытерт.

3. Ручка двери столовой. Множественные следы пальцев, оставленные на несколько часов раньше, чем следы на дверях холла. На этой ручке ясно виден тонкий слой пыли, что позволяет сделать вывод о более раннем ее происхождении.

4. Экспресс-кофеварка. Никаких следов. Тщательно вытерта.

5. Чашки и блюдечки для кофе — следы пальцев горничной мисс Агнесс Уайт.

6. Ложечки — также отпечатки горничной.

7. Дверца шкафа с ядами и флакон с ядом — никаких следов.

8. Сахарница, стоящая на полке рядом с кофеваркой, — отпечатки сэра Гордона Бедфорда и более ранние следы Агнесс Уайт.

9. Пишущая машинка — сэр Гордон Бедфорд, ясные отпечатки, оставленные недавно.

10. Чашка, разбитая у ног покойного, — отпечатки горничной и более поздние — сэра Гордона Бедфорда.

11. Разбитое блюдечко — то же самое, что и на чашке.

12. Рамка фотографии, стоящей на столе: отчетливые следы пальцев сэра Гордона Бедфорда, миссис Юдиты Бедфорд и мисс Агнесс Уайт.

13. Авторучка, поверхность стола, открытая рукопись, лампа на столе — исключительно следы пальцев сэра Гордона Бедфорда.

14. Письма:

а) письмо номер один — о финансовых махинациях — следы пальцев Гордона Бедфорда. *Примечание:* отпечатки скорее всего сделаны после смерти, путем наложения пальцев на бумагу;

б) письмо номер два, обнаруженное под рукописью: нет никаких следов пальцев. *Примечание:* на бумаге остались следы тряпки, что означает — лист был вытерт. Возможно, что это относится и к первому письму, но оно напечатано на старой, стершейся ленте, с минимальным содержанием краски, что не позволяет утверждать наверняка.

Общее замечание: хотя оба письма написаны на одной и той же машинке, но сделано это на разных лентах. Письмо номер два написано на новой ленте, номер один на старой. Возможно, что это одна и та же лента, но письма написаны в разное время, хотя последнее маловероятно, так как степень использованности ленты очень разная, а машинка „Ундервуд“ автоматически меняет ход ленты таким образом, что сначала лента идет справа налево, потом наоборот — слева направо. Данное замечание приводится на случай, если оно будет полезным для следствия, хотя оно и не имеет отношения к экспертизе дактилоскопической.

Привет. Держись, Бен... *(подпись)*

Паркер поднял голову.

— Это все... — Он вынул из кармана конверт, а из него оба письма.

Положил их перед собой на стол.

— Да, они правы. Один лист написан на бледной ленте, второй на абсолютно новой.

— Нужно это проверить... — Алекс встал. — Ваша лаборатория работает отлично... Но как я мог этого не заметить? — Он пошел к дверям. — Я все еще сплю на ходу. — Он остановился и сказал приятелю: — Послушай, можно в этом доме получить чашку крепкого кофе?

— Кофе? Наверное... Правда, в наших инструкциях ничего нет по поводу кормления и поения чиновников в доме, где произошло преступление, но...

— Но мы же работаем в интересах хозяина, вернее, памяти о нем... Видишь, я уже несу чушь. Попроси кофе, и пусть его приготовит эта симпатичная девушка, с которой говорил Джонс.

Паркер открыл дверь, ведущую из столовой в холл, и сказал:

— А-а! Как хорошо, что вы здесь... Я надеюсь, вы окажете нам любезность и приготовите две чашки крепкого кофе?

— Слушаюсь! — ответила девушка, послышались быстрые шаги, что-то белое мелькнуло в дверях и исчезло. Паркер сказал второму человеку в холле:

— Когда я приказал вам охранять вход в дом, Джонс, я не имел в виду такого строгого исполнения приказов. Вам совсем необязательно держать за руку кого-либо из домашних, даже если это милая, обаятельная девушка в белом чепчике... Есть и другие способы удержать людей от побега.

— Так точно, шеф! — В голосе сержанта явно звучало разочарование. — Но, с другой стороны, Агнесс рассказала мне массу интересных вещей об этих... — Он наклонился к Паркеру, и Джо увидел его рыжую шевелюру. — Об этих Бедфордах. Здесь, шеф, много чего происходило до нашего приезда...

— Хм... — Паркер кашлянул. — В таком случае продолжайте держать ее за руку, а позднее мы поговорим с вами. Проследите только, чтобы она нам приготовила нормальный кофе. Потому что один из обитателей этого дома получил кофе с цианистым калием...

— Ну что вы, шеф... — Сержант Джонс скромно потупился. — Агнесс этого не сделает. Мы в некотором роде подружились с ней... И даже договорились пойти в кино, когда оба будем свободны.

— Желаю успеха, — сухо сказал Паркер, — и еще могу пожелать, чтобы вас пустили на фильм, не разрешенный для молодежи... — Он подмигнул, потом спросил: — Ну и что говорит эта девочка?

— Что сэра Гордона Бедфорда наверняка убили. Она утверждает, что это был не тот человек, который стал бы покушаться на собственную жизнь... Говорит, что они все здесь готовы были утопить его в ложке воды... И еще говорит, что кто-нибудь из них, в конце концов, не выдержал...

— Ага... — Паркер кивнул. — Мы еще с вами об этом поговорим. А пока присматривайте за ними. — Он показал пальцем на потолок. — Никто не имеет права выйти отсюда без моего личного разрешения, ясно, сержант?

— Конечно, шеф...

Джонс еще раз сверкнул шевелюрой и исчез за дверью.

Алекс вошел в кабинет и подошел к пишущей машинке. Быстро прокрутил пальцами ленту, а потом перемотал ее обратно.

— Твоя лаборатория абсолютно права, — сказал он, вставил лист в машинку и отступал:

Это совершенно новая лента, через которую написали всего несколько десятков слов...

Он встал, потом вынул ленту из машинки и осмотрел ее. На гладкой поверхности отчетливо виднелись слова: «Не могу больше...» Алекс протянул ленту. Вскоре начинался текст, написанный им самим.

— Поскольку оба письма написаны на этой машинке, но на этой ленте только одно, можно сделать простой вывод, что первое письмо написано раньше. А раз на клавишах множественные отпечатки пальцев сэра Гордона, значит, второе прощальное письмо он напечатал сам... то есть, короче говоря, ушел с пути своей жены и другого человека, которого уважал...

— Все верно, — Паркер кивнул. — На разбитых чашке и блюдечке тоже были его отпечатки, если не считать пальцев горничной, которая моет посуду. Жаль только, что он не оставил отпечатков на ручке двери... А хуже всего, что нет отпечатков на кофеварке, хотя он ведь сам должен был приготовить себе кофе, если бы отравился. Ну и первое письмо...

Алекс добавил:

— Печально еще и то, что на рамке отпечатки пальцев Юдиты Бедфорд... Кажется, пришло время выпить кофе и поговорить с этими людьми.

— Что? — спросил Паркер.

Но Джо покачал головой:

— Не будем изображать из себя ясновидцев. В любом случае, кажется, здесь достаточно фактов, с которыми у нас будет много мороки... Но, может быть, кто-нибудь из них сам признается?.. — Он невесело усмехнулся. — Будем надеяться. — Взглянув на часы, Алекс сказал: — Я здесь уже полчаса и не делаю ничего, кроме того, что вместе с тобой обнаруживаю все новые, не связанные друг с другом фрагменты мозаики... Пока все настолько хаотично, что трудно определить, что к чему относится. Полчаса... Господи, наверняка сейчас позвонит кто-нибудь из твоего начальства. Они, очевидно, считают, что эти полчаса ты попросту бездельничал, вместо того чтобы уже разоблачить преступника.

Его прервал стук в дверь.

— Кофе готов, шеф, — сказал сержант Джонс, показывая пальцем себе за спину. — Куда подать?

— В столовую. — Паркер пошел к дверям, но Алекс обогнал его и вошел в столовую первым.

— Добрый день, — ответил он на приветствие девушки, стоящей с подносом. — Поставьте, пожалуйста, все вон туда на стол. О! Есть даже бутерброды! Я совсем забыл о еде... а ведь я сегодня не завтракал...

Паркер вошел за ним и внимательно наблюдал за тем, как горничная поставила поднос, сняла с него тарелку с бутербродами, две чашки и кофейник.

Она взяла поднос и, слегка покраснев, пошла с ним к дверям, но Джо остановил ее.

— Одну минуту, мисс Уайт. — Джо подошел к столу и поднял салфетку, которой были накрыты бутерброды. — Замечательно!

— Что-нибудь еще принести? — тихо спросила она, покраснев еще больше.

— Нет, нет! Этого вполне достаточно. Но, будьте добры, задержитесь, пожалуйста, на несколько минут, хорошо? Нам бы хотелось кое-что уточнить...

— Слушаюсь.

Джо сел и налил себе кофе. Потом обратился к девушке:

— А почему вы не садитесь? Мы ведь не гости семейства Бедфордов, правда?.. Присаживайтесь... — Он встал и подвинул ей стул. После небольшого колебания она подошла и присела на край, не поднимая глаз.

— Так вот, мисс Уайт, прошлой ночью здесь произошла трагедия и нам бы хотелось, чтобы вы ответили нам на несколько вопросов. Вы хорошо помните, чем занимались в течение всего дня?

— Как будто бы да... — сказала Агнесс Уайт, и Джо, который в это время подносил бутерброд ко рту, увидел, как румянец сходит у нее с лица. Девушка побледнела: — Я готова отвечать...

Глава шестая

Наблюдения мисс Агнесс Уайт

Джо сделал еще глоток и заметил:

— Великолепный кофе. Вы сами его варили?

— Да, конечно. — Она впервые подняла глаза. В них было легкое удивление, смешанное с любопытством. Но кроме этих чувств в них был испуг, а может, что-то еще, чего Алекс не мог определить словами.

— Я об этом спрашиваю только оттого, что удивляюсь, почему сэр Гордон Бедфорд варил себе кофе сам в кофеварке, хотя в доме были вы.

— О, это совсем просто объяснить. Сэр Гордон всегда работал ночью и обычно один. Ему было жаль среди ночи будить меня или кухарку, ведь работаем мы с рассвета до вечера. Вот он и завел себе кофеварку в кабинете. У него было низкое давление, и доктор даже прописал ему кофе. Он так ответил миссис Юдите, которая его спросила как-то за обедом, как он может пить столько кофе каждый день. Я это слышала, потому что как раз подавала на стол...

— Значит, сэр Гордон Бедфорд, как говорится, был подвержен дурным привычкам?

— Нет, что вы! — Она энергично потрянула головой. Это выглядело довольно искренно. Джо посмотрел на нее с симпатией. Она была в своем роде обаятельной. Высокая, крепкая и здоровая психически так, как могут быть здоровы девушки, воспитанные в горных деревушках.

— Вы родились и выросли в Шотландии, не правда ли? Где-нибудь в окрестностях Лох Шерна? Он усмехнулся, видя ее изумление.

— Да, именно там я и выросла. А откуда вы узнали?

— По акценту... — сказал Джо с улыбкой. Она тоже улыбнулась и снова покраснела. Потом тень промелькнула у нее по лицу, и она посерьезнела. Заметив недоуменный взгляд Паркера, Джо поспешил сказать: — Но мы говорили о сэре Гордоне Бедфорде. Значит, вы, мисс Уайт, говорите, что дурных привычек у него не было.

— Кроме кофе, по-моему, нет. Он не пил, не курил и очень не любил, когда кто-нибудь при нем пьет или курит. Мистер Цирил всегда выходил со своей трубкой в сад, когда сэр Гордон жил здесь, или уходил в свою спальню, чтобы ему не мешал дым. Сэр Гордон не терпел даже пива в доме... Он любил говорить, что алкоголь и табак самые тяжкие грехи человека...

Джо невольно вынул руку из кармана, куда он полез за своими любимыми «Голд Флейк».

— А вы как думаете, мисс Уайт? Он был прав?

— Наверное. Хотя мне, честно говоря, нравится, если мужчина иногда выпьет или выкурит трубку. Мой папа трубки изо рта не вынимал. Мама даже в гроб ее положила. И выпить любил... А ведь был порядочным человеком... — Она замолкла. — Но сэр Гордон думал иначе... Царствие ему небесное... — Она перекрестилась.

— Вы католичка, мисс Уайт?

— Да, так же, как и все в наших краях.

— А кухарки нет в доме? — неожиданно спросил Джо.

— Нет, ее нет. У нее сын служит в армии и вот — заболел, чем-то там отравился, какими-то парами бензина или еще чем-то. Он ведь в авиации... Она поехала к нему позавчера, но вчера звонила, что ему уже лучше и завтра она вернется...

— Значит, в течение двух дней вы занимались и уборкой, и хозяйством, и готовкой?

— Почти одна... — Девушка задумалась... — Я была свободна весь вечер в субботу, только после ужина помыла посуду, немного убралась и приготовила спальни ко сну. Вчера, правда, весь день я работала, но тоже не одна.

— Кто же занимался приготовлением ужина, если вы были одна?

— Ну, знаете, сэр Гордон был немного старомодным... Он считал, что женщины, которые не умеют хорошо готовить и не умеют обслужить мужчину, не настоящие женщины. Он любил, когда миссис Сильвия бывала на кухне и готовила вместе с кухаркой. А когда у нас обеих был выходной, тогда миссис Сильвия и миссис Юдита сами готовили и подавали на стол. И это сэру Гордону нравилось больше всего. Он говорил, что никакое блюдо ему так не нравится, как то, что приготовила жена... Я думаю, он прав, потому что, даже если у женщины такой богатый муж, как сэр Гордон, все равно она должна сама заботиться о нем.

— А миссис Сильвия любила заботиться о муже?

— Не знаю. Я ведь всего только горничная, и миссис Бедфорд не говорила со мной о таких вещах... Но не могу сказать, чтобы ей это очень нравилось. Она вообще не любила готовить, хотя готовила неплохо... Это только миссис Юдита говорит, что миссис Сильвия куска хлеба маслом намазать не может...

— Значит, они любили уик-энды в кругу семьи и проводили время как образцовая, любящая семья?

— Не знаю, любили или нет, а вот сэр Гордон так проводить время любил, это точно, а ему никто не мог воспротивиться. Любили не любили, а все равно делали так, как хотел сэр Гордон. И ничего удивительного: он же был хозяином, а остальные от него зависели...

— Да, конечно, — Джо кивнул с таким пониманием, будто сам ничем другим не занимался, только все уик-энды проводил с семьей Бедфордов. Потом опять спросил: — А женщины не любили друг друга, так ведь?

Горничная хотела было что-то сказать, но спохватилась и, неуверенно покачав головой, с упреком посмотрела на мужчин.

— Прошу прощения, господа, но я ведь здесь работаю и не могу говорить об этих людях и о том, что происходит в доме...

Джо серьезно кивнул:

— Верно. Это очень хорошо с вашей стороны. Нельзя выносить сор из избы. Но вы должны помнить, что человек, который был вашим хозяином, скорее всего убит несколько часов тому назад. И только это имеет теперь значение. Мы пришли сюда не для того, чтобы собирать сплетни, но затем, чтобы найти убийцу и передать его в руки правосудия. И только поэтому спрашиваем обо всех подробностях. Ведь вы, миссис Уайт, сама это хорошо понимаете, не так ли?

Но Агнесс Уайт, казалось, не слышала его последних слов.

— Убит... — прошептала она, посмотрела на дверь, и в глазах ее внезапно появился испуг. — Я сразу так и подумала, но потом, когда те в униформах сказали, что все-таки... А теперь вы опять говорите о том, о чем и я подумала вначале.

— А почему вы с самого начала подумали, что сэра Гордона убили?

После этого вопроса наступила тишина, которую прервал Паркер, чиркая спичкой о коробок. Девушка оставалась неподвижной. Казалось, она собирается с мыслями.

— Не знаю... — сказала она наконец. — Он... он ведь был не из тех, что сами лишают себя жизни... А они все его ненавидели... — Она вдруг закрыла себе рот ладонью. — Что я говорю, дура? — Она взглянула на Алекса с испугом, но Джо, будто не заметив ее страха, изменил тему.

— Я спрашивал вас, мисс Уайт, кто готовил в субботу ужин, но еще мне бы хотелось спросить вас, кто убирал дом в воскресенье вечером?

— Я убирала.

— А вы были в кабинете сэра Гордона?

— Была.

— И что вы там делали?

— Принесла чистые чашки и блюдца и поставила их в тот шкафчик, где стоит кофеварка.

— В котором это было примерно часу?

— В пять, в половине шестого.

— А позднее вы туда не входили?

Она утвердительно кивнула:

— Входила еще после ужина.

— Так. И во сколько же?

— Ну, наверное, было одиннадцать или даже немного больше.

— И что же вы делали?

— Я вошла, потому что сэр Гордон со своим братом Цирилом пошли в сад ловить бабочек. А я уже помыла посуду и хотела лечь. Мне нужно было отнести в кабинет еще две чашки и посмотреть, достаточно ли сахару в сахарнице, ведь сэр Гордон собирался работать всю ночь...

— А откуда вы об этом знаете? Он сам вам сказал?

— Да, то есть нет... Во время ужина, когда я была в столовой, он сказал мистеру Роберту Реуту, своему секретарю, что просит его прийти к нему в семь утра, и мистера Цирила тоже с фотографиями... И еще сказал, что пойдет ловить бабочек, а после немного поработает...

— Минутку... — Джо поднял руку, чтобы остановить ее и задать новый вопрос. — О каких фотографиях шла речь?

— Точно я не знаю... Но у мистера Цирила наверху рядом со спальней находится фотолаборатория, и он делает фотографии для сэра Гордона... Сплошь бабочки... Противные, потому что сняты вблизи и у них лбы как у лошадей, только еще страшней... Жутко смотреть... И мистер Цирил с мистером Робертом, наверное, должны были приготовить все для сэра Гордона, потому что он с миссис Сильвией улетал сегодня вечером в Америку.

— Понятно. Но вернемся к вчерашнему вечеру. Значит, вы поняли, что сэр Гордон будет работать ночью, и отнесли чашки в бар и еще посмотрели, достаточно ли сахару. И что? Сахару было много?

Девушка улыбнулась, но сразу же вновь посерьезнела. Ее, очевидно, позабавило, что полиции интересно, много ли было сахару в сахарнице. Все это Джо легко понял по выражению ее лица. Но то, что она сказала, немало удивило его.

— Да, сахару было много, и я посмотрела, не надо ли еще чего-нибудь. Из окна хорошо видно место, где сэр Гордон с братом ловили бабочек, и я знала, что вернуться они не скоро. А он, ну, сэр Гордон, очень любил свежий воздух, но так же сильно не любил, когда при нем открывают окна... У него был ревматизм... Я раз видела, как его скрутило. Он даже ходил на костылях... Поэтому он велел проветривать только тогда, когда его нет в комнате.

Алекс нахмурился.

— Минутку, — сказал он быстро, бросая Паркеру короткий взгляд, которого Агнесс Уайт, конечно, не заметила. — Значит, вы вошли в кабинет, поставили чашки в бар и потом что сделали?

— Подошла к окну, отодвинула шторы и открыла его настежь. Окно было открыто минут пять, потом я его закрыла и вышла...

— А вы всегда носите с собой тряпку для вытирания пыли?

— Как когда. Смотря что я делаю и в какое время.

— А тогда в кабинете у вас была с собой тряпка?

— Нет, не было. Я была в платье, без фартука. Я знала, что никого не встречу; обе женщины и мистер Реут поднялись наверх, а сэр Гордон и мистер Цирил были в саду. Да мне и незачем было брать с собой тряпку, я ведь несла чашки.

— Понятно... А чем же вы в таком случае вытерли окно после проветривания?

Девушка тряхнула головой:

— Я не понимаю вас.

— Я спрашиваю, — сказал Алекс медленно, не спуская с нее глаз, — чем вы, мисс Уайт, вытерли ручку окна в кабинете сэра Гордона? Вы ведь ее вытерли, не правда ли?

Агнесс Уайт посмотрела на него с недоверием и покачала головой:

— Нет, точно я ее не вытирала... Да и зачем ее вытирать? Разве она была грязная? И потом, ручки у нас не вытирают, а чистят порошком.

— Но вы могли это сделать машинально.

— Так ведь у меня с собой не было ничего, чем можно было вытереть... Нет, я точно не вытирала...

— А может быть, — спросил Алекс, — вы работаете в резиновых перчатках, чтобы не портить рук?

— Только когда что-нибудь мою с содой. Есть такие работы на кухне, когда их приходится надевать. Но я их уже недели две не надевала... Может, они и практичные, да в них работать неудобно...

— Значит, вы бы могли под присягой показать, что, после того как закрыли окно, вчера вечером не вытирали его? — В голосе Алекса была такая напряженность, что Агнесс посмотрела на него со страхом. Но потом выпрямилась на стуле и твердо сказала:

— Да. Могу показать под присягой. — И повторила: — Конечно, могу.

Джо встал, подошел к окну, повернулся, посмотрел на нее и спросил с улыбкой:

— Сэр Гордон вспоминал когда-нибудь при вас, что держит в шкафчике на столе цианистый калий?

— Конечно. Он всех нас предупредил, и прежде всего, кухарку и меня. Специально спустился к нам еще два года тому назад, когда привез этот самый цианистый калий, и сказал, что хотя флакон стоит в шкафчике, закрытом на ключ, но может случиться, что кто-нибудь на него наткнется. Сказал, что самое легкое прикосновение к флакону может оставить след, из-за которого можно умереть, если потом притронуться к губам или к еде. Когда он уезжал, всегда закрывал кабинет на ключ. А когда был здесь, держал флакон в закрытом на ключ шкафчике...

— И больше ни у кого не было ключа ни от кабинета, ни от шкафчика?

— Нет. Все запасные ключи в доме, Да только миссис Юдита их где-то спрятала.

— Понятно. А теперь мне бы хотелось вернуться к дамам. Значит, вы считаете, что миссис Юдита Бедфорд не любит невестку?

— Я этого не сказала. Но уж если откровенно, то миссис Юдита, наверное, никого не любит, кроме мистера Цирила. Потому что она очень несчастная. А может, только кажется несчастной? Потому что, как можно быть счастливой, если сама уже немолодая и некрасивая, а муж намного младше, да еще такой красивый, как мистер Цирил?..

Алекс, который, казалось, смотрел на буфет, а на самом деле внимательно следил за девушкой, заметил, что она при последних словах заметно покраснела. Она сидела, совершенно выпрямившись, ее золотистые волосы, прямой нос и высокая грудь делали ее подобной греческой богине с амфоры. Агнесс воистину в эту минуту была прекрасна.

— А что, Цирил Бедфорд так же богат, как его брат?

— Пожалуй что нет. Я, конечно, не знаю, но догадываюсь, раз уж живу с такими людьми. Мистер Цирил сам вам скажет, но, я думаю, у него было столько денег, сколько давал ему брат...

— А может, миссис Юдита не любит Сильвию, потому что сама жена бедного брата, а она богатого? Так ведь тоже бывает...

— Я этого не знаю...

— А как здесь шла жизнь между приездами сэра Гордона и миссис Сильвии?

— Очень скучно, — искренне сказала Агнесс. — И, думаю, не только для меня. Они оба, то есть мистер Цирил и миссис Юдита, выходят из дома еще реже, чем я или кухарка. Мистер Цирил обычно сидел около цветов в саду, потому что очень их любит и вырастил даже новый сорт георгинов... Ну... я ему немного в этом помогала, — она снова покраснела, — потому что я ведь из деревни... Или мистер Цирил сидел в своей фотолаборатории, проявлял, печатал карточки... А миссис Юдита занималась домом, хозяйством и иногда ходила с кухаркой за покупками... Я уж здесь три года, и ни разу они отсюда никуда не уезжали. А мистер Цирил, пожалуй, и в город ни разу не ходил. Даже портной сюда приходит, когда нужно... Иногда только мистер Цирил ходил в парикмахерскую и на прогулку здесь неподалеку, и это все...

— А гостей они не принимали?

— Никогда и никого.

— Гм... Значит, у вас позавчера после полудня был выходной, так?

— Так.

— И где же вы были? В кино?

— Да. В кино.

Джо быстро взглянул на нее. Паркер тоже смотрел на девушку с любопытством. Очевидно, и он уловил фальшь и неуверенность в ее голосе.

— И на каком фильме?

— На... на... — Агнесс стиснула губы. Она явно не умела лгать, и вопрос застал ее врасплох. Она опустила голову.

— Что с вами случилось? — спросил Алекс, вставая.

— Нет, нет. Ничего...

Алекс подошел к ней, взял за подбородок и поднял лицо. По щекам девушки ползли слезы.

— Вы ведь не были в кино, так? — спросил он добродушно.

— Не была, — прошептала она так тихо, что скорее по движению губ можно было угадать слова.

— И где же вы были?

Она потрясла головой и, закрыв лицо руками, громко заплакала.

Джо посмотрел на Паркера несколько растерянно.

— Пожалуйста, успокойтесь, — сказал заместитель шефа полиции. — Мы ведь не хотим ничего плохого. Нам нужно только узнать, что делали домашние в течение последних нескольких часов. А вы ведь тоже из их числа...

Агнесс Уайт перестала плакать, но губы у нее по-прежнему дрожали, когда она проговорила:

— Но я не могу... Не могу вам сказать, где я была...

Они замолчали все втроем.

Внезапно Джо наклонился к ней и вполголоса спросил:

— Скажите нам откровенно, мисс Агнесс... Вы были у доктора?

Если бы ей сказали, что в комнату сейчас войдет покойный сэр Гордон Бедфорд, это не произвело бы на нее такого впечатления, как слова Алекса.

— Вы... вы об этом знали? А откуда? — Она смотрела на него широко открытыми глазами, вдруг превратившись в маленькую деревенскую девочку, которая столкнулась с тем, что не в силах объяснить.

— Предположил, — сказал Алекс и неожиданно для самого себя осторожно погладил ее по голове... — Бедняжка... Ты должна иметь в виду, что мистер Паркер мог бы быть твоим отцом, да и я уже был солдатом, когда ты еще пешком под стол ходила... Ты что же, боялась, что у тебя будет ребенок?

Девушка молча кивнула.

— И твои опасения оказались напрасными?

Снова кивок.

— Ну, вот и отлично... — Джо вздохнул с облегчением. — И что же ты теперь собираешься делать? Уехать отсюда?

— Да, — сказала она неожиданно энергично. — Вернусь лучше домой...

— У тебя там есть парень?

— Да... — Слезы вновь навернулись ей на глаза. — Жених... Он... он автомеханик... Мы копим на мастерскую... Он там, а я здесь... Мы решили, что, когда соберем достаточно, — поженимся. А теперь... Теперь не знаю, что будет? Я его уже год не видела... Через две недели хотела ехать в отпуск домой...

— Вот и поедешь. И даже раньше... — Джо улыбнулся ей. — Все устроится. Плохо, когда молодая девушка слишком долго живет одна в большом городе...

— Да, очень плохо, — сказала Агнесс Уайт. На ее лице появился испуг. — Но ведь вы никому не скажете, что я...

— Мы связаны служебной тайной, — сказал значительно Паркер.

— Это хорошо. — Девушка вздохнула, вытерла слезы и поправила чепчик, потом встала и выжидательно посмотрела на Алекса.

— Да! Еще одно, — сказал он, улыбаясь. — Наверняка ты плохо спала в последнее время, правда ведь? Прошлой ночью ты поздно уснула? Небось, разные мысли не давали тебе спать?

— Да, я все время теперь хожу не выспавшись... А вчера я заснула в половине третьего...

— А когда сэр Гордон и его брат вернулись из сада, ты уже спала?

— Лежала в кровати с погашенным светом. Но слышала, как они закрывали за собой входную дверь, а потом вполголоса разговаривали в холле. Кажется, и мистер Роберт был с ними. А потом мистер Цирил с мистером Робертом пошли наверх, а сэр Гордон — в свой кабинет. Его кабинет

как раз над моей комнатой, и я слышала, как он походил там, потом сел и начал стучать на машинке... Потом я уже заснула...

— Так... Потом ты и заснула. — Алекс потер лоб и сказал: — Ну что ж, большое тебе спасибо. И если можно, будь добра, сделай нам еще два кофе. Мы тоже мало спали сегодня ночью, и у нас еще очень много работы.

— Пожалуйста. Конечно. Сейчас принесу. — Агнесс пошла к выходу. И хотя глаза ее были еще красными, никто бы не сказал, что она только что пережила такие драматичные минуты.

— И помните, пожалуйста, мисс Уайт, — сказал Паркер. — Мы забыли обо всем, о чем вы нам рассказали, но и вы никому из домашних ничего не скажете. Хорошо?

— Конечно, конечно.

— В таком случае, — Алекс подошел к ней и понизил голос, — скажи нам откровенно, какие были отношения между твоими хозяевами? У нас есть основания предполагать, что миссис Сильвию Бедфорд связывало что-то с другим мужчиной. Что ты об этом знаешь?

— Я... что я знаю? — Агнесс снова заколебалась, потом решилась. — Да, уж я скажу правду до конца. И кухарка, и я — мы не раз говорили между собой на кухне, что сэр Гордон напрасно держит такого молодого и симпатичного секретаря, тем более, что сам он не такой уж молодой и симпатичный. Но хотя и видно было, что миссис Сильвия любит оставаться наедине с мистером Робертом, но мы все знали, что мистер Роберт очень предан сэру Гордону. Но кухарка говорила, что, будь мужчина хоть тысячу раз благодарен другому мужчине, он все равно уведет у него женщину... А больше я не знаю, кто еще мог крутиться около миссис Сильвии. Сэр Гордон был очень суровый человек и не вел такой жизни, как другие люди его окружения... Значит, если не мистер Роберт, то уж и не знаю, кто еще... — Она снова минуту колебалась. — Но мистер Роберт мог быть таким человеком, — быстро закончила она. — Ведь подумать только — такая молодая, красивая девушка, а муж может быть ей дедушкой. — И Агнесс Уайт неожиданно усмехнулась. — А если это правда, то все к лучшему. Быстрее утешится, и меньше будет слез на похоронах. У нас в деревне люди на все смотрят проще, чем в городе... — Она пошла к дверям и исчезла за ними.

Джо некоторое время смотрел ей вслед, потом сказал:

— Быть может, мисс Агнесс Уайт и несколько легкомысленна, но можно смело сказать, что одна такая девушка из Шотландии своей непосредственностью и обаянием может поспорить с десятью француженками.

— Да, да, конечно, конечно, — подтвердил Паркер, хотя было видно, что он совершенно не слышал того, что говорил приятель.

Заместитель шефа полиции задумчиво сказал:

— Если не принимать во внимание ее обаяние, мы получили от нее довольно ценную информацию.

Глава седьмая

«Прежде чем мы поговорим с семьей...»

— Вот именно, — Джо кивнул. — Я тоже думаю, что мы насобирали уже массу информации и необходимо ее упорядочить, прежде чем мы поговорим с семьей...

Паркер взял карандаш и вытащил блокнот.

— Сейчас мы все это запишем, — пробормотал он. — Люблю иметь все записанным на бумаге.

— Давай. Итак, на месте преступления мы обнаружили:

Первое. Два прощальных письма: а) письмо номер один лежало перед покойным на столе и содержало в себе что-то вроде исповеди. Сэр Гордон утверждает в нем, что решил покончить с собой в связи с тем, что злоупотребил своей должностью финансового эксперта для собственной корысти... На этом письме есть отпечатки пальцев сэра Гордона, но ваш эксперт обращает внимание, что они выглядят неестественно. Кроме того, мы установили, что письмо написано раньше, чем в машину вложена новая лента, находящаяся в настоящий момент; б) письмо номер два лежало тоже на столе, но накрытое папкой с рукописью, которую сэр Гордон правил. На нем

нет никаких следов, а ваш эксперт утверждает, что они были стерты. Это письмо, как мы установили, единственное, напечатанное на новой ленте. Горничная Агнесс Уайт слышала, когда сэр Гордон вернулся и стал печатать на машинке... Таким образом, можно утверждать, что это второе письмо...

— Подожди, — прервал его Паркер. — Если сэр Гордон написал письмо номер два, в котором объясняет свое решение уйти из жизни нежеланием становиться на пути влюбленных, то мы имеем дело с самоубийством, и в таком случае я не понимаю, зачем нужно...

— Ну нет. — Джо встал и подошел к нему. — Я сказал «как мы установили», но это не объясняет, почему на письме нет отпечатков пальцев сэра Гордона, а на другом письме, напечатанном раньше, — они есть. Кроме того, мы не знаем, зачем кто-то стер отпечатки пальцев с кофеварки, в которой он сам себе варил кофе, и с дверной ручки, за которую брался, когда входил. Все это указывает как раз на то, что в данную минуту сэр Гордон не собирался прощаться с жизнью. Однако поехали дальше. Кроме двух этих писем мы нашли в кабинете:

Второе. Цианистый калий в капсуле, находившейся в крохотной коробочке в кармане брюк сэра Гордона.

Третье. Бабочку в корзине для мусора, а на ее месте в витрине нанизанную на булавку головку, вырезанную из фотографии на письменном столе. Кроме того, нет ножниц, которыми это сделано. Об отпечатках пальцев в витрине мы тоже пока не знаем, но вскоре узнаем о них, когда придет результат исследований из вашей лаборатории. Только...

— Только что? — Паркер поднял голову от блокнота. Его рука с карандашом, быстро двигавшаяся по бумаге, остановилась.

— Я думаю о том, что слишком много отпечатков стерто, а оставшиеся вряд ли будут иметь большую ценность, — буркнул Джо. — Не сюда ведет тропинка.

— В любом случае мне лично было бы интересно, кому эти отпечатки принадлежат, — сказал заместитель шефа следственного отдела. — Человек, оставляющий свои отпечатки, должен объяснить нам, откуда они взялись. И кроме того, ты сам сказал, что в этот раз тебе важны будут результаты дактилоскопической экспертизы...

— Да, очень важны, — кивнул Джо, — но несколько в иных целях. Меня больше интересуют те, которые стерты...

— Ладно, поехали дальше... — Паркер снова приготовился писать.

— Да, так на чем мы остановились? На бабочке в корзине для мусора и фотографии. Далее следуют:

Четвертое. Чашка с цианистым калием, из которой сэр Гордон выпил кофе. На ней пальцы только его и горничной, а это свидетельствует, что отравила его либо горничная, либо это сделал он сам... Или...

— Или?

— Да нет, ничего... Поехали дальше.

Пятое. На столе рукопись со свежими поправками. Авторучка, которой он неизвестно почему не воспользовался для того, чтобы подписаться ни под одним из писем, и блокнот, в котором сделано несколько любопытных записей: «Девятнадцатого июня (это, значит, позавчера)... проверить заказ на авиабилеты (очевидно, в Штаты)... Сказать Р., чтобы позвонил Ц. и предупредил, что мы приезжаем на уик-энд... (Это тоже несложно. Личного секретаря зовут Роберт Реут, а брата Цирил, и живет он здесь.) Двадцатого июня (значит, вчера). Конечно, флакон, попросить его, чтобы пересыпал обратно. То же самое с кофе. Быть после этого нежным с ней... (Здесь сплошные вопросительные знаки. Какой флакон? Что пересыпать? Что с кофе? Быть нежным с кем?!) Двадцать первого июня (значит — сегодня). Сжечь! Помнить о разложенной работе... Попросить его написать несколько слов. Сжечь!» (Это уже яснее. Может относиться к какой-нибудь работе, о которой идет речь.)

— Сегодняшняя дата? — Паркер покачал головой. — Значит, он это записал сегодня ночью, когда вернулся после ловли бабочек.

— Необязательно. Может быть, это заметки на сегодняшний день, сделанные раньше. Но поехали дальше.

Шестое. Существует целая группа предметов, на которых нет отпечатков пальцев, хотя и должны были бы быть: а) замок окна, хотя Агнесс Уайт утверждает, что заходила сюда до

двенадцати ночи, когда все разошлись, открывала окно и, конечно, оставила свои отпечатки пальцев; б) экспресс-кофеварка, на которой по понятным причинам должны быть отпечатки пальцев, потому что в ней варили кофе, который сэр Гордон выпил с цианистым калием; в) флакон в шкафчике с цианистым калием; г) письмо номер два, на котором тоже нет отпечатков пальцев; д) ручка двери в холл, на которой нет пальцев сэра Гордона, но есть отпечатки двух других лиц. Но, возможно, сэр Гордон возвращался из сада в резиновых перчатках и потом положил их в ящик? Это могло бы объяснить отсутствие его пальцев на ручке. Миссис Юдита Бедфорд могла через эту дверь пройти на ужин, а мистер Роберт Реут пройти утром в кабинет.

— А Агнесс Уайт? — спросил Паркер спокойно. — Она ведь тоже была здесь до убийства.

— Вот именно... — Джо потер лоб. — Агнесс Уайт, которая входила сюда и не оставила отпечатков ни на ручке двери, ни на замке окна. Прямо как призрак!

— А может, Агнесс Уайт здесь вообще не было. — Паркер вздохнул. — А может, этот образцовый семьянин, финансовый гений и охотник за насекомыми был виновником ее визита к доктору? Может, она и убила его? Могла ведь она подать ему кофе в чашке, на которой есть его отпечатки.

— Все возможно, — развел руками Алекс. — Возможно даже, что не сэр Гордон написал это письмо, хотя Агнесс слышала, как он стучал на машинке и на клавишах есть отпечатки его пальцев. Кто-нибудь мог, к примеру, отравить его сразу после возвращения из сада, потом его пальцами отстучать текст... Но вернемся к окну. Если Агнесс оставила отпечатки, а теперь их нет, то это значит только одно: что кто-то открыл окно, а потом вытер следы. Но если это сделал сэр Гордон — самоубийца, то с какой целью? Выбросить что-нибудь? Или, наоборот, ему что-нибудь подали? В конце концов это можно установить.

Он подошел к окну и раскрыл его. Через узорчатую решетку они увидели большую клумбу и за ней заросли кустарника. Ближе, почти у самого дома, тянулась шириной в несколько шагов грядка, на которой цвели далии.

— Далеко отсюда ничего не выбросишь, — сказал Паркер. — Мешает решетка.

— Да, пожалуй, — Джо выглянул и сказал: — Пойдем, посмотрим поближе на далии.

Они вышли из кабинета и, миновав сержанта Джонса, который сидел на ступеньках лестницы и вскочил при виде их, направились в сад.

Но даже ребенок мог заметить, что под окнами кабинета сэра Гордона давно никто не ходил. На вскопанной, мягкой земле не было никаких следов. Поручив двум агентам тщательно обшарить все пространство неподалеку от окна, Паркер вернулся в дом. Они снова оказались в холле. Джо бегло осмотрел небольшой свернутый экран и складной столик, потом вошел в кабинет. Едва Паркер прикрыл дверь, кто-то постучал.

— Войдите.

— Звонят из управления, шеф. — Джонс посторонился и пропустил Паркера.

Алекс встал посреди кабинета и уставился взглядом в ковер.

— Письма, проклятые письма... — пробормотал он.

— Заключение о вскрытии, — сказал Паркер, стоя на пороге. — Доктор Беркли утверждает, что сэр Гордон умер между половиной четвертого и половиной пятого утра. Причина смерти: цианистый калий, смерть наступила мгновенно...

— О Господи, — Джо вздохнул. — Значит, это он написал письмо, в котором сообщает, что уходит из этой юдоли слез, чтобы не мешать счастью своей любимой супруги... И Агнесс Уайт действительно слышала, как он печатает на машинке. В таком случае одна из трех моих концепций перечеркивается и остаются две.

— Каких трех концепций?

— По поводу писем:

Первая. Сэр Гордон хотел совершить самоубийство и написал одно из писем, но кто-то его убил раньше, чем он сам успел это сделать, и подбросил второе письмо, не зная о существовании первого.

Вторая. Сэр Гордон совершил самоубийство, а кто-то, увидев его мертвым и не заметив письма, подбросил второе.

Третья. Сэр Гордон не писал ни одного из писем, его убили, а оба письма подложили в неизвестных нам целях.

Таковы три версии: он мог написать одно письмо, или оба, или не писал ни одного. Теперь третья возможность отпадает и остаются две первые.

Говоря это, Джо не знал, что, вопреки всем законам простейшей логики, могла существовать еще третья возможность. Но в эту минуту он о ней еще не думал.

Глава восьмая

Испуганный молодой человек

Роберт Реут вошел в столовую, остановился и поклонился обоим сидящим за столом мужчинам. Джо поднялся и указал ему на место напротив. Молодой человек был явно испуган. Подходя, он споткнулся, едва не упал, тихо проговорил: «Извините» — и сел, опустив глаза.

— Мистер Роберт Реут, не так ли?

— Совершенно верно.

— Вы были личным секретарем покойного сэра Гордона Бедфорда?

— Да, я был секретарем.

— Как долго?

— Когда я окончил университет, господин профессор пригласил меня на работу секретарем. Поскольку я закончил с отличием отделение энтомологии зоологического факультета, я являюсь одновременно и его ассистентом... То есть был... О Господи! — Он замолчал. Его длинные тонкие пальцы беспрерывно сплетались и расплетались явно без ведома владельца.

— Понятно, что для вас, мистер Реут, это, должно быть, большое потрясение, — сказал Джо с сочувствием. — Но профессора не вернешь, и надо собраться и успокоиться. — Он протянул через стол пачку «Голд Флейк». — Закурите.

— Нет, нет, спасибо. Я не курю. — Реут покачал головой. — Это ужасная история, господа, все так неожиданно.

— Значит, ничто не указывало на то, что сэр Гордон может покончить с собой. Вы ведь должны его хорошо знать, раз были его секретарем, не так ли?

— Да, конечно. То есть я его знал довольно хорошо, но ничто не говорило о том, что... ничего абсолютно. Даже в два часа ночи, когда мы расставались, он разговаривал с мистером Цирилом и со мной о книжке и докладе, который он должен был прочесть в Штатах. Сегодня они с женой должны были улететь в Нью-Йорк... Мы готовились днем и ночью. Сэр Гордон был полон сил. И очень жизнерадостен... С нами он договорился о встрече на семь утра, а в два часа ночи, когда мы расставались, изменил время встречи на шесть. Хотел, очевидно, еще раз оговорить оформление книжки, которую я должен был сегодня отвезти в издательство. Мистер Цирил должен был обеспечить фотоматериал. А нам с профессором нужно было разметить фотографии в тексте. Сэр Гордон заканчивал правку рукописи. Он должен был прочесть доклад в Штатах о перелетах *Атропос*, то есть *Мертвой головы*... Последние годы он много занимался этими... — Он замолк, увидев нетерпеливый жест Паркера, но Джо быстро сказал:

— Продолжайте, пожалуйста. Нам интересно знать содержание последней работы сэра Гордона, и хотя мы не многое можем сказать о бабочках, но постараемся что-нибудь понять...

— Так вот, именно сэр Гордон, благодаря многолетним и постоянным наблюдениям, установил пути миграции бабочки *Мертвая голова* и, кроме того, выдвинул чрезвычайно любопытную гипотезу, согласно которой эти бабочки здесь, на севере, дают потомство, которое, однако, в свою очередь не способно к размножению. Сэр Гордон установил, какой подвид этой бабочки прилетает на север и чем объяснить этот удивительный феномен бессмысленного размножения. Эти исследования важны не только для энтомологов, но и для генетиков, климатологов и палеонтологов. Кроме всего прочего, сэр Гордон установил, что во время миграции между бабочками существует связь и они обмениваются информацией не только о направлении полета, но и о местах кормления. Как известно, бражник *Мертвая голова* питается на цветках картофеля и... — Он внезапно замолк. — Прошу прощения, я увлекся...

— Спасибо, теперь мы более или менее ориентируемся в работе профессора, — улыбнулся Джо. — И боюсь, что без фундаментальных знаний вряд ли продвинемся дальше. Пожалуй, пора,

к сожалению, вновь вернуться к нашим печальным обязанностям. Значит, вы абсолютно убеждены, что до самой последней минуты сэра Гордон не выказывал ни малейшего желания свести счеты с жизнью? Не было ли у него внезапных приступов депрессии? Не говорил ли он с вами в пессимистичных тонах о жизни? Словом, вы понимаете, о чем я говорю...

— Да, я понимаю. — Реут ненадолго задумался. — Нет, никогда. Наоборот, сэр Гордон всегда производил на меня впечатление человека, который всегда, даже при сильной усталости, сохраняет вкус к жизни и любовь к работе. Он был очень доволен результатами своих последних исследований и с радостью сдавал свою новую книгу в печать. Думается, что и в Штаты он ехал, будучи уверенным в успехе своих лекций... Хотя он был специалистом совершенно в другой области — в экономике, но именно энтомологические исследования принесли ему мировую славу.

— Понятно, понятно... А как вы считаете, могла быть у сэра Гордона какая-нибудь причина, по которой он мог бы совершить самоубийство?

— Причина?

— Да. Например, какой-нибудь факт, который мог бы толкнуть сэра Гордона на самоубийство?

Джо даже не моргнул глазом при этих словах и неподвижно смотрел на молодого ученого... Он заметил, что на лбу у Реута появились мелкие капельки пота.

— Я не понимаю...

— Ну, возможно, будет проще, если я скажу, что на столе мы нашли письмо, в котором сэр Гордон утверждает, что прощается с жизнью, чтобы позволить любимой женщине жить с мужчиной, которого она любит... Прошу мне простить этот вопрос, но вы как человек, постоянно живущий с Бедфордами, могли бы помочь нам своими разъяснениями на этот счет, мог ли сэр Гордон написать такое письмо...

— Он... он написал об этом... — прошептал Роберт Реут и внезапно укрыв лицо в ладонях. Но скоро выпрямился, и Джо заметил у него на лице следы слез, которые молодой человек не скрывал. — Это ужасно... — проговорил он. — Нет, это невозможно... Он не относился к людям, которые могли бы пожертвовать собой и уйти с дороги таким способом... Скорее я мог бы сказать, что он мог убить человека, вставшего у него на пути... или свою жену. Но... но, — он развел руками и снова повторил: — Это ужасно.

— Я спросил, не заметили ли вы чего-нибудь, что могло бы объяснить появление такого письма?

— Я? — Реут громко сглотнул. — Я? Нет, нет, — сказал он, повысив голос. — Нет, что вы! Я всего лишь секретарь. Я бы никогда не осмелился наблюдать за кем-нибудь, но миссис Сильвия... Она выше всяких подозрений... Сэр Гордон окружал ее таким вниманием... Нет, конечно, я ничего не знаю.

— Ну, хорошо, — вздохнул Алекс. — Вы напрасно так нервничаете. Нам очень важна помощь людей, хорошо знавших покойного и знакомых с отношениями в семье и его окружении.

— Да, да, я понимаю, — еле слышно сказал Реут. Несмотря на все усилия, его бегающий взгляд никак не мог встретиться с глазами Алекса, а пальцы рук беспрерывно сплетались и расплетались.

— Ну что ж, вернемся к тому, о чем мы говорили перед этим... — легко сказал Джо. — Встреча в шесть часов утра, после того как работа продолжалась до двух, до трех, вряд ли относилась к обычному образу жизни сэра Гордона?

— Что? Ах да! Нет, скорее, к обычному... Он всегда работал ночью, когда у него было много работы, а ее постоянно было много. Я уже привык к этому. Хотя, с другой стороны, бывали периоды, когда я ему вообще был не нужен, и тогда я мог спать сколько угодно. Сэр Гордон не относился к людям, которые не замечают сотрудников.

— Значит, эта передвижка времени сбора не удивила вас?

— Нет, не удивила. Я работал до трех часов, закончил корректуру, поставил будильник на без четверти шесть, а проснувшись, принял душ и спустился вниз. — Он вздрогнул.

— И обнаружили сэра Гордона мертвым, так?

— Да, именно так.

— В котором это было часу?

— Ровно в шесть, минута в минуту. Сэр Гордон был очень пунктуальным.

Алекс с пониманием кивнул. Он закурил и как бы нехотя бросил:

— Вы говорили, что сэр Гордон сначала договорился с вами на семь утра и лишь позднее изменил время на шесть. При каких обстоятельствах это произошло?

— Не понимаю...

— Проще говоря, когда именно он вам сказал, что следует прийти в семь?

— Когда?.. Сейчас... За ужином. Мы все сидели за ужином. То есть обе дамы, сэр Гордон, мистер Цирил и я. Тогда сэр Гордон сказал: «Роберт, приготовьтесь к тому, что ровно в семь я буду ждать вас у себя в кабинете. Конечно, я уверен, что к тому времени у вас будет готова корректура». Я ответил, что все сделаю, и сразу после ужина сел за работу.

— Поэтому вы не ловили с ним ночью бабочек вместе с мистером Цирилом?

— Да, именно поэтому.

— А когда сэр Гордон изменил свое решение?

— Когда я примерно без четверти два спустился к ним в сад. Я хотел узнать у сэра Гордона, принести ли ему рукопись сразу или в семь утра. Но сэр Гордон не закончил свою правку и договорился с нами на шесть, чтобы успеть еще кое-что сделать. После встречи утром я должен был отнести рукопись издателю... Позднее, когда мы с мистером Цирилом поднимались по лестнице, он нам еще раз об этом напомнил. Это были последние слова, которые я от него слышал...

— При свидетеле?

— Не понимаю...

— Речь идет о том, что сэр Гордон сказал вам, чтобы прийти в шесть, в присутствии кого-нибудь?

— Да, конечно. При этом был мистер Цирил Бедфорд.

— И вы уверены, что он помнит эти слова?

— Естественно. Они ведь касались и его тоже.

— Понятно. И еще одно: мы обратили внимание, что вот сюда в «Ундервуд» недавно поставлена новая лента. Вы не знаете, когда это произошло?

— Знаю. Это я поставил новую ленту.

— Когда?

— В субботу утром. Я приехал раньше сэра Гордона и миссис Сильвии. В мои обязанности входили также: пишущая машинка, карандаши, чернила, бумага — все мелочи... Когда я приехал и проверил машинку, оказалось, что в ней стоит старая лента, и я послал горничную за новой. Здесь неподалеку есть канцелярский магазин.

— Сэр Гордон или вы писали на машинке после смены ленты?

— Я — нет... И сэр Гордон, по-моему, тоже, хотя ручаться я, конечно, не могу... Он приехал с готовой машинописью и работал только над стилистической правкой, которую он делал от руки. У меня тоже был машинописный экземпляр его рукописи, я сверял данные и так далее... Никто из нас не писал...

— Понятно. А как вы попали в кабинет до приезда сэра Гордона? Насколько я помню, горничная сказала нам, что кабинет обычно бывает закрыт на ключ в его отсутствие?

— Это верно. Но сэр Гордон дал мне ключ, когда я собирался сюда. Перед его приездом горничная должна была убраться, а мне нужно было проверить, все ли готово для работы.

— Да, да... — Алекс кивнул и внезапно спросил: — Сколько вам лет? — Реут был так ошеломлен вопросом, что не сразу смог ответить.

— Я не понимаю вас.

— Но ведь мой вопрос очень прост. Я спросил всего лишь, сколько вам лет.

— Двадцать восемь.

— Так я и думал. А сэру Гордону было, по-моему, пятьдесят восемь?

— Да, но я не понимаю...

— Вы многого не понимаете, мистер Реут... — Джо покачал головой. — А ведь вы с отличием закончили учебу. Казалось бы... Однако оставим это. Мы вас благодарим...

Реут встал. Джо тоже поднялся, потом вдруг хлопнул себя по лбу ладонью:

— Ах да, чуть было не забыл. Еще одна мелочь... Вы не могли бы с нами пройти в кабинет покойного?

Он показал рукой направление и прошел вперед. Реут задержался у порога. Паркер закрыл блокнот, в котором что-то писал, встал и подошел к ним.

— Это те самые бабочки, которых профессор поймал вчера? — Джо подошел к столу и показал колбы с бабочками.

Реут подошел, опасливо косясь на место за столом, которое уже пустовало, и наклонился.

— Пожалуй да. — Он по очереди осмотрел колбы. — Да. Здесь четыре *Атропос*... А сэр Гордон говорил, что именно столько он их поймал минувшей ночью. Еще он сказал, что это большая удача... Я не ловил с ними вчера, поэтому больше ничего сказать не могу... Мистер Цирил Бедфорд, наверное, может сказать еще что-нибудь... Они ловили вместе.

Джо кивнул:

— И еще один, последний вопрос. Вы, мистер Реут, не подходили к этому окну?

— Как это? Не понимаю.

Джо вздохнул:

— Я хочу сказать, не приближались ли вы сегодня утром к этому окну, когда обнаружили сэра Гордона? Вам могло показаться, что ему плохо, он потерял сознание, и вы могли открыть окно.

— Нет, я не подходил к окну... Наверняка нет. Просто это не пришло мне в голову. Может быть, потому, что мы никогда не открывали окна в присутствии сэра Гордона... У него было воспаление суставов... Он так сильно страдал во время приступа, что одевался обычно гораздо теплее, чем того требовала погода.

— Ну что ж, благодарим вас еще раз. — Джо внимательно посмотрел на него. — Вы сообщили нам много интересных сведений. Надеюсь, что рассказали нам обо всем, что знали? Вы ведь знаете, что утаивание сведений от следствия является преступлением.

— Да, конечно, — пролепетал Реут. — Я знаю все это... — Он отвел глаза, не в силах выдержать взгляд Алекса. — Я... Я могу идти?

— Да, естественно, естественно.

Джо некоторое время смотрел на закрывшуюся за ним дверь, потом повернулся и подошел к Паркеру.

— И что ты думаешь об этом симпатичном молодом человеке, Бен?

— Думаю, что он действительно симпатичный, это правда... А в остальном... думаю, что он сказал нам далеко не все, что знает, и я отпустил его только потому, что ты, как я понял, решил, чтоб он «дозрел» в одиночестве. Иначе он бы так просто не ушел отсюда... Впрочем, он и так всегда под рукой.

— Я думаю так же... — Алекс вошел в столовую и сел. — Ну что ж будем теперь делать, Бен?

Прежде чем Паркер успел ответить, раздался стук, и в дверях показалась голова сержанта Джонса.

— Конверт из Ярда, шеф... Водитель сказал, что его просили передать, чтобы вы с минуты на минуту ждали доклада об отпечатках пальцев на витрине и этой головке, вырезанной из фотографии.

— Хорошо. — Паркер кивнул, взял конверт и подошел с ним к столу. Джонс вернулся на свой пост, бесшумно прикрыв дверь.

— Ну и что там? — Алекс с любопытством наклонился через стол.

Заместитель шефа следственного отдела уголовной полиции вскрыл конверт.

— Сразу, как только мы приехали, я передал в управление имена домашних и убитого. Мне хотелось знать, нет ли в наших архивах чего-нибудь любопытного о них... — Он не закончил, пробежал глазами бумагу и подал ее Алексу. Джо прочел:

Архив сообщает:

Первое. Сэр Гордон Бедфорд — никаких конфликтов с законом и никакой связи с каким-либо делом, рассматривавшимся в суде, никогда не имел. Второе. Сильвия Бедфорд — то же самое. Третье. Юдита Бедфорд — то же самое. Четвертое. Агнесс Уайт — то же самое. Пятое. Роберт Реут — то же самое. Шестое. Цирил Бедфорд — прилагается информация и его дела.

Не успев дочитать до конца, Паркер вскрыл меньший конверт. Он вынул оттуда несколько густо исписанных листков и положил их перед собой.

— Послушай... — сказал он через минуту... — Слушай внимательно, так как это любопытно...

— Ну что там такого? — Джо заглянул ему через плечо. — Может быть, им удастся в нескольких словах сказать, что мистер Цирил Бедфорд убил своего брата, и я смогу уехать в свою тихую, теплую, уютную квартирку... и уснуть... Кофе почти не помог мне...

— Ты только послушай... — Паркер отмахнулся от его слов. — Я сейчас быстренько тебе это прочту.

Он начал вполголоса читать. Джо откинулся на спинку, и можно было подумать, что задремал. Но он не пропуская ни единого слова.

Глава девятая

Мистер Цирил Бедфорд

Цирил Бедфорд — родился 27/Х 1914 года в Лондоне, сын Эдварда и Дианы из дома Барнет, рост метр девяносто два см, вес около ста кг, глаза голубые, блондин, особых примет нет, капитан бронетанковых войск резерва, награжден несколькими орденами за храбрость во время последней войны...

Арестован 10 января 1951 по обвинению в подделке подписи на чеке и попытке получить деньги в сумме 1000 (тысяча) фунтов со счета своего брата Гордона Бедфорда в Лондонском центральном банке Бэркли Банк. В связи со значительностью суммы для проверки служащий связался с держателем счета, который сразу же заявил, что не выписывал чек на предъявителя на такую сумму... Сэр Гордон Бедфорд в этот момент не знал, что чек предъявлялся его родным братом. Цирил Бедфорд был сейчас же арестован. В тот же день вечером было получено заявление от фирмы «Безег и Безег», занимающейся продажей фотоаппаратов. В нем служащий фирмы коммивояжер Цирил Бедфорд обвинялся в растрате 980 (девятьсот восьмидесяти) фунтов.

В тот же день во время предварительного допроса обвиняемый признался в совершении обоих преступлений.

Дело не передавалось в суд, в связи с тем, что на следующий день утром оба обвинения были частным порядком отозваны. Поэтому обвиняемый был выпущен на свободу, как того требует закон.

Примечание. Из компетентных источников стало известно, что сэр Гордон Бедфорд, узнав, что чек подделал его родной брат, сразу же отозвал свое обвинение. Что же касается фирмы «Безег и Безег», то, по полученной информации, сэр Гордон использовал в этом случае свое влияние в деловых кругах и возместил весь убыток фирме.

Информация, касающаяся образа жизни и характера Цирила Бедфорда.

Человек необычайной храбрости, неоднократно отмечавшийся в приказах по армии. С детства проявлял дурные наклонности. В пятнадцать лет сбежал из дома. Задержан в одном из морских портов, где хотел «зайцем» пересечь океан. Приведен обратно в родительский дом. Позднее окончил Кембридж, где получил славу гуляки и любителя мимолетных любовных приключений. Впоследствии играл на бегах и в карты. После смерти отца в течение нескольких лет истратил свою долю наследства, составляющую сумму около семидесяти тысяч фунтов стерлингов. Его часть наследованного дома в окрестностях Ричмонда выкупил старший брат Гордон.

После растраты наследства Цирил Бедфорд попал в общество букмекеров и нелегальных агентов баккара и рулетки в Сохо. Длительное время находился под наблюдением Скотленд-Ярда, но подтверждения какой-либо противоправной деятельности получено не было. За год перед войной познакомился с Юдитой Спенсер, которая старше его на восемь лет, и вскоре женился на ней. Она принесла с собой некоторую сумму денег и недвижимость в Сорри. Деньги и недвижимость Цирил Бедфорд сумел потратить так быстро, что после ухода мужа в начале войны на фронт Юдита Бедфорд осталась совершенно без средств к существованию и была взята в дом старшим братом, который и содержал ее. После окончания военных действий и демобилизации Цирил Бедфорд к жене не вернулся. Он

попробовал себя на разных профессиях. В определенный момент чуть было не был обвинен в соучастии в изготовлении порнографических открыток вместе с неоднократно судимым Дэвидом Шиолом. Но и на этот раз не удалось собрать достаточных доказательств его вины. Позднее Цирил Бедфорд пробовал зарабатывать деньги самыми различными способами, пока, наконец, не нашел работу в фирме «Безег и Безег». О подробностях окончания этой работы смотри выше.

После освобождения из-под ареста Цирил Бедфорд вернулся к жене и поселился с ней в старом доме. Есть основания допускать, что сэр Гордон Бедфорд, будучи человеком незапятнанной репутации, оказал на младшего брата определенное давление, очевидно, сохраняя материалы, обвиняющие его в подделке чека, и грозя арестом, если он не перестанет вести образ жизни, позорящий род Бедфордов. Иначе трудно объяснить факт возвращения Цирила Бедфорда к жене и уединенный образ жизни, который он ведет в настоящее время...

Оценка характера, вытекающая из имеющейся информации: очень умен и талантлив, как утверждали еще в школе, а впоследствии и в университете. Манеры и поведение истинного джентльмена. К сожалению, дурное влияние всегда брало верх над хорошим...

Паркер сунул бумаги обратно в конверт.

— Вкратце это все. Здесь еще приложены отпечатки пальцев и документы, подтверждающие факты биографии.

— Ваш архив заслуживает всяческих похвал... — Джо выпрямился на стуле и зевнул. — Дорого бы я дал, чтобы почитать то, что есть в вашем архиве на меня... «По имеющимся данным, Джо Алекс человек легкомысленный и странный...» Так, Бен?

— Ты никогда не нарушал закона. Если бы нарушил, другое дело... Мистер Цирил Бедфорд, наверное, не имеет понятия, как много мы уже о нем знаем.

— Возможно. Но это не облегчает нам задачу. Может, пригласим его? Честно говоря, этот сэр Гордон со своими бабочками, торгово-экономическим талантом, с его отвращением к табаку и алкоголю вызывает у меня гораздо меньше симпатий, чем его шалопут-братец. Но, однако, стоит, наверное, поговорить с этим сорокасезонным хулиганом. Может, он скажет нам что-нибудь интересное?

Паркер кивнул. Потом встал, подошел к дверям и что-то шепнул вездесущему Джонсу. Они ждали в молчании, пока, наконец, не раздался стук, затем Джонс сунул в щель голову и доложил:

— Мистер Цирил Бедфорд. — После этих слов он, впусив названного господина, прикрыл дверь. Паркер, будто не обратив на все это внимания, листал блокнот.

Джо поднялся с места и вежливо сказал:

— Прошу вас, садитесь, пожалуйста, и извините великодушно, что предлагаю вам сесть в вашем же доме.

Сам он тоже сел, внимательно глядя на вошедшего.

Цирил Бедфорд был человеком огромного роста, а плечи его были такими же широкими, как и у брата. И хотя Джо не видел знаменитого ловца бабочек живым, он готов был поклясться, что движения его наполовину не были так легки и непринужденны, как движения человека, который в эту минуту сел напротив, вынул из кармана трубку, спички и стерженек для набивания табака. Когда их взгляды встретились, Алекс понял, почему Агнесс Уайт назвала Цирила красивым мужчиной. Он был действительно очень обаятельным.

Джо молча смотрел на него некоторое время и вдруг понял, что причина обаяния в том, что в лице этого человека нет никаких следов тех склонностей, которые он ожидал увидеть, прочитав его биографию. У физиогномиста наверняка возникло бы множество проблем с вопросом, почему Цирил Бедфорд не стал известным, уважаемым человеком и вынужден влачить довольно жалкое существование в доме своего детства, рядом с женой, которую не любил, находясь на поводке у брата, который скорее всего презирал его, даже если у него и были к нему какие-нибудь родственные чувства.

— Мы позволили себе пригласить вас сюда в связи с трагедией, происшедшей в доме, — тихо начал Джо. — Если вы, мистер Бедфорд, можете отвечать на вопросы, мы были бы вам весьма

признательны, если вы поможете нам... — На секунду он повысил голос, но сидящий напротив него мужчина не шевельнулся. Джо продолжал: — Следует заметить, что обстоятельства смерти сэра Гордона ставят перед полицией весьма сложную задачу...

При этих словах Цирил Бедфорд шевельнулся и проговорил спокойно:

— Может быть, вы попробуете выразиться яснее? Я не вижу во всем этом ничего, в чем я мог бы вам помочь. Смерть — штука необратимая.

Джо кивнул:

— И преступление тоже. Я просил вас помочь не вашему покойному брату, но нам, в связи с тем, что мы пытаемся служить справедливости. Ваш брат был убит.

Сидящий напротив него человек на секунду закрыл глаза, потом снова открыл их. Это было единственным проявлением чувств. Голос его остался спокойным, когда он спросил:

— Вы в этом уверены?

— Безусловно.

Снова наступила тишина. Цирил Бедфорд зажег трубку, примял табак и медленно стал выпускать облачка дыма.

— Вы могли бы нам рассказать, как вы провели последние минуты вместе с братом?

— Да, конечно. — Цирил кивнул и отложил трубку. — После ужина мы пошли ловить бабочек. Секретарь моего брата Роберт Реут был занят правкой рукописи, которую утром нужно было передать издателю, а поскольку ночь была хорошей и подошло самое время перелета Мертвой головы, брату хотелось пару часов провести у экрана. Мы пошли вместе. Я как обычно занимался умерщвлением насекомых, а Гордон ловил их. Он умел это делать очень хорошо. Охота нам удалась. Гордон поймал четыре *Мертвых головы* и был в отличном настроении. Мы ловили до двух часов ночи. Реут подошел к нам, чтобы что-то спросить у брата, и мы все вместе вернулись в дом. Роберт и я пошли наверх, а Гордон остался внизу. С нами он договорился сначала на семь утра, но потом изменил время встречи на шесть.

— Понятно. И что вы делали наверху, мистер Бедфорд?

— Пошел в фотолабораторию, чтобы проверить сохнувшие фотографии. Я был там несколько минут, когда вошел Гордон...

— Так ваш брат был на втором этаже после того, как вы расстались?

— Да, был. — Цирил поднял брови с выражением легкого удивления. — Конечно, был. Он посмотрел снимки, мы немного поговорили о комплекте фотографий, которые он хотел взять с собой в Америку, и он ушел...

— Он пошел к себе в спальню или вниз в кабинет?

— Думаю, что в кабинет. Перед его уходом я сказал, что около трех закончу работу и пару часов посплю. Поскольку мой будильник не такой громкий, как Реута, я попросил брата разбудить меня в половине шестого...

— Во сколько примерно ваш брат был у вас в лаборатории?

— Это я могу сказать довольно точно, — спокойно сказал Цирил. — Когда мы говорили о подъеме, я взглянул на часы и припоминаю, что было точно два двадцать пять...

— Большое спасибо. И что было потом?

— Еще некоторое время я работал. Сложил вместе все снимки, с которыми мне нужно было в шесть спуститься вниз, проверил, все ли получилось хорошо, и посчитал... Потом пошел к себе в спальню, разделся, умылся и мгновенно заснул...

— Который это был час?

— Перед тем как погасить свет, я снова взглянул на часы, и мне кажется, что было... или без пяти три, или пять минут четвертого... Я был совсем сонным и не знал, естественно, что это может иметь какое-нибудь значение... Меня разбудил Реут... Сам я, конечно, не проснулся, а Гордон тоже не пришел будить меня, потому что, как выяснилось, он был уже мертв.

Все это он говорил совершенно спокойно, отнюдь не стараясь произвести впечатление человека, убитого горем.

Алекс глубоко вздохнул и сказал быстро, будто не задумываясь над тем, что говорит:

— Прошу простить меня, но вы, мистер Бедфорд, не похожи на человека, на которого сильно подействовала смерть брата.

Цирил Бедфорд помолчал, глядя на Алекса, потом сказал:

— Бывали минуты, когда я его ненавидал больше всех на свете. Думаю, что мы всегда не любили друг друга, даже в детстве.

— Благодарю за откровенность. Должен вам признаться, что мы примерно знаем причины, по которым вы живете в этом доме. В архиве Скотленд-Ярда хранится описание того, давнего дела. Значит, вы признаете, что получили бы выгоду от смерти сэра Гордона?

Цирил чуть усмехнулся:

— О, значит, вы знаете о грехах моей молодости. Да, пожалуй, смерть Гордона не самое печальное событие в моей жизни. Тем не менее должен вас разочаровать, если вы спросите, убил ли я своего брата. Нет, я его не убивал.

— А кто, по-вашему, мог бы его убить?

Цирил Бедфорд поднял голову и долго вглядывался в обоих мужчин. Потом взял погасшую трубку и долго разминал ее, явно выгадывая время, потом сказал легко, даже, пожалуй, слишком легко:

— Не знаю. А если бы знал, не сказал бы вам.

— Почему?

— Потому что мой покойный брат, несмотря на свою честность, добропорядочность и постоянство характера, был, в моем понимании, существом, начисто лишенным всех человеческих качеств. Это был ужасный, брюзгливый, постоянно пекущийся о своем здоровье дурень, к тому же отравляющий жизнь всем окружающим. Кто бы его ни убил, если это, конечно, не самоубийство (а я сомневаюсь, что это самоубийство, так как это был бы его первый человеческий поступок), так вот, кто бы его ни убил, он оказал мне большую услугу. А я не считаю возможным выдавать полиции своих доброжелателей. — Он усмехнулся и вдруг посерьезнел. — Но неужели вы считаете, что самоубийство исключается?

— А какова могла бы быть причина самоубийства?

Цирил Бедфорд снова помолчал.

— Не знаю, — сказал он, наконец. — Я не вижу причины, по которой он мог бы расстаться с жизнью. Если говорить серьезно, я ведь немного знаю людей, и разговаривал с ним незадолго до смерти. Он абсолютно не производил впечатление человека, который собирается распрощаться с жизнью... Нет... Это невозможно.

— Но в то же время вы не видите никого, кто мог бы его убить?

— Нет. Вернее, если быть откровенным, то вижу. У каждого из нас мог бы найтись свой мотив. Но из-за глупостей не убивают... Нет, не знаю... Единственный человек, у которого действительно был мотив и охота его убить, — это, наверное, я.

— Несомненно у вас были и мотив, и возможность... — спокойно согласился Алекс. — Но я не уверен, у вас ли одного? Мы можем предположить, что по крайней мере еще два человека хотели бы лишиться его жизни... Но, возможно, я ошибаюсь... Возможно, все было иначе. Признаюсь, у меня есть определенная теория, которая пока опирается лишь на абстрактные размышления. Пока еще мы не допросили всех лиц, живущих в доме. Скажите, это вы выращиваете такие прекрасные далии?

Некоторое время казалось, что Бедфорд ошарашен вопросом, но он быстро взял себя в руки.

— Да. Вам они нравятся?

— Очень. Особенно меня удивило, что они цветут так рано. Как вам удается заставить их цвести в это время года?

— Ну, немного усердия и много свободного времени... Вот и все. С растениями можно творить чудеса, если очень захочешь...

— Далии ведь первоначально вывезены из Мексики?

— Все сорта георгинов, или, как вы их называете, далии, вывезены из Мексики.

— Да. И, кажется, лишь в них, да еще в одном сорте красной розы содержится очень специфический краситель, который когда-то использовали для окраски шерсти? Как он называется? Вы не помните?

— Признаюсь, меня больше интересует их внешний вид, чем химические свойства...

— Понимаю. — Джо кивнул. Уголком глаза он заметил изумление на лице у Паркера. — Благодарю вас, мистер Бедфорд... — Он встал. Цирил Бедфорд тоже поднялся. — Можете вернуться в свою комнату. К сожалению, мы все еще вынуждены настаивать, чтобы никто из вас

не покидал своих комнат. Мне очень жаль, но полицейские в холле и в саду получили приказ не выпускать никого из дома до особого распоряжения, и, поскольку дом окружен, я вспоминаю об этом лишь для того, чтобы избавить всех от неприятностей.

Бедфорд молча, вежливо поклонился и направился к дверям. Как только он исчез, Паркер вскочил.

— Что за чушь? Ты общаешься со всеми этими людьми так, будто надеешься, что убийца сам придет, во всем признается и будет благодарить за то, что мы его отправили на виселицу! И что за бред с этими далиями?

— Ответ на первый вопрос звучит так. — Джо поднял вверх палец. — Да, я верю, что убийца вскоре найдется сам собой. Следов уже множество и не хватает лишь самой малости... — Ответ на второй вопрос. — Он поднял вверх второй палец. — Я наконец-то вспомнил, как называется этот краситель...

— Как?

— Цианин... — Джо покачал головой. — Подумать только, при всем моем невежестве в химии, именно это я почему-то знаю!

Глава десятая

«Отпечатки пальцев на витрине и фотографии принадлежат...»

— У нас остались только обе миссис Бедфорд. Кого пригласим? — спросил Паркер.

Но судьба выручила его и сама дала ответ на его вопрос.

— Телефон из управления, шеф! — сказал сержант Джонс, неведомо в который раз за утро всовывая голову в дверь.

Паркер встал и быстро вышел из столовой. Алекс, подперев голову руками, некоторое время сидел за столом неподвижно. Лицо его было сосредоточено и серьезно. Через некоторое время он вполголоса сказал:

— Да... Пожалуй, именно так... Или так... Эту голову могла бы вырезать горничная, но не сделала этого, потому что... ну да! Конечно... Юдита Бедфорд. Интересно, как она выглядит? Из того, что говорила Агнесса, можно предположить, что эта бедняжка с колоссальным количеством комплексов. Любит его?.. Ну конечно... Сколько здесь любви под этой скромной, пуританской крышей... Да, только Юдита Бедфорд.

Дверь открылась, вошел Паркер, захлопнул за собой дверь и быстро подошел к столу. Положил руку на плечо приятелю, который при виде его выпрямился и откинулся на спинку стула.

— Знаешь ли ты, чьи отпечатки найдены на рамке витрины и на вырезанной из фотографии головке? Ну, скажи мне, ты, соня, вечно утверждающий, что весь научный аппарат полиции только мешает поискам преступника! Скажи, и я дам тебе полновесный, блестящий, звонкий английский шиллинг! Но ты не скажешь, потому что не знаешь!

— О Господи! Кто-то, но неужели ты, мой друг, заместитель шефа следственного отдела уголовной полиции, неужели ты можешь предположить, что я не знаю, кто оставил эти пальцы... Бен, я могу тебе чисто конфиденциально сказать, что...

— Ну, скажи! — Паркер посмотрел на него с недоверием. — Конечно, может, ты и угадаешь. У тебя один шанс из пяти, потому что именно столько у нас подозреваемых.

— Нет, солнышко. Мне не нужно гадать, я знаю, что эти отпечатки принадлежат Юдите Бедфорд...

Паркер открыл рот, закрыл, потом снова открыл. Сунул руку в карман и протянул Алексу серебряную монету.

— Та-ак... — протянул он. — Значит, ты знал, кто убил Бедфорда, и не говорил?

— Не понял? — Джо поднял брови. — Что ты имеешь в виду?

— Ну, я надеюсь, что эта особа не сможет отпереться, когда мы прижмем ее такими уликами.

— Посмотрим... Но, судя по всему, убийца сэра Гордона не такой уж дурак... Но я могу и ошибаться.

— Конечно, ты ошибаешься! — сказал Паркер и энергично направился к дверям, но на полпути остановился. — Что ты имеешь в виду, Джо?

— Да, собственно, ничего. Бери свою миссис Юдиту Бедфорд и допрашивай ее... — Джо развел руками. — Мне ужасно интересно знать, как она выглядит...

Паркер пожал плечами:

— Сейчас мы ее пригласим.

Он вышел и о чем-то вполголоса переговорил с Джонсом. Потом вернулся, подошел к столу и облокотился на него, молча глядя на дверь. Джо, хорошо его зная, усмехнулся. Он понимал, почему Паркер стоит. Юдита Бедфорд была женщиной, и, значит, он не мог ее принять сидя, но она была убийцей, а значит, он не мог встать при ее появлении. Поэтому он ждал стоя.

Дверь открылась.

Хотя увидев вошедшую, Джо не выразил своего удивления, но это стоило ему больших усилий. Он никогда не мог бы предположить, что женщина, которой он предложил стул, жена Цирила Бедфорда. Низенькая, сутулая, она выглядела, как горбунья без горба. Но самым удивительным было лицо, покрытое сетью мелких морщинок, и голова с седыми волосами. Ее муж — отнюдь не мальчик и даже не молодой человек, мог бы спокойно представлять ее как свою мать. Но движения ее были энергичны, и только по поведению Алекс смог определить, что ей пятьдесят с чем-то лет... Двадцать с лишним лет тому назад, она, Юдита Спенсер, встретила с молодым, красивым великаном. И конечно, влюбилась с первого взгляда. О чем она думала, когда он проиграл в карты все ее состояние? А когда после войны он не вернулся к ней?.. Может, она его возненавидела? А может, продолжала любить, как мать любит своего дурного ребенка?.. В любом случае она согласилась с его возвращением, когда он вернулся, принужденный к этому шантажом своего приличного во всех отношениях братца... Страдала ли она? Наверняка...

Паркер открыл, было, рот. Джо кашлянул и быстро спросил:

— Миссис Бедфорд, не могли бы вы хоть немного прояснить это запутанное дело? Честно говоря, у нас уйма сложностей. Мы предполагаем, что в супружестве сэра Гордона Бедфорда и миссис Сильвии Бедфорд не все складывалось так, как хотелось бы... Можно даже предположить, что только неведение сэра Гордона уберегло этот брак. В то же время ваш супруг и секретарь покойного утверждают, что еще за два-три часа до смерти сэр Гордон даже не помышлял о самоубийстве... Но мы нашли его мертвым, после того как он принял цианистый калий в кофе. А перед ним лежало письмо, в котором он прощался со своей женой самыми нежными словами... а как причину своей смерти указывает на собственную нечестность в торговых делах если можно так выразиться...

— Вы хотите сказать, что сэр Гордон считал себя преступником, а свою жену ангелом? — спросила Юдита Бедфорд спокойным, но чуть-чуть дрожащим от волнения голосом.

— Примерно так это и выглядит...

— Это ложь... — сказала она коротко.

— Почему вы так думаете?

— Потому что даже ребенок, проведя с ними вместе пару дней, мог бы сказать, что Гордон чист, как хрусталь, а она... Сильвия крутила роман с другим человеком!

— Надеюсь, вы понимаете серьезность вашего утверждения. Ведь согласно ему вы обвиняете молодую женщину в убийстве мужа, который на тридцать лет старше ее.

— Я не обманывала еще никогда в жизни... — Юдита Бедфорд гневно посмотрела на него. Ее морщинистое лицо зарумянилось. — Я знаю, что говорю, и не привыкла, чтобы такие молодые люди, как вы, давали мне указания.

— Это замечательно, что вы никогда в жизни не обманывали... — Джо с серьезным видом кивнул. — Но я повторяю, что мы проводим следствие, результаты которого могут оказаться роковыми для предполагаемого убийцы сэра Гордона. Утверждение, что его молодая жена флиртвала с другим человеком, а возможно, и любила его, ставит ее в трудное положение, и тот, кто это говорит, должен доказать свое утверждение. Откуда вам известно об этом факте?

— Моя комната расположена рядом с комнатой этого молодого человека, и я слышала достаточно, чтобы удостовериться.

— Через стену?

— Существует дымоход у каминов, общий для обеих комнат, — сказала Юдита Бедфорд чуть тише. Она снова слегка покраснела, на этот раз не от гнева, а от смущения.

— И что же вы слышали, миссис Бедфорд?

— Очень многое. Достаточно много, чтобы понять, что Сильвия безумно влюбилась в этого молодого человека. Не далее как за несколько минут до двух часов утра я слышала собственными ушами, как она сказала, что не любит Гордона, что ненавидит его и что убьет его собственными руками...

— Этот молодой человек — мистер Реут?

— Других молодых людей в доме нет.

— И что он ей ответил?

— Испугался... — Она пожала плечами. — Это слабенький, глупый мальчишка... — добавила она презрительно. — Это Сильвия во всем виновата. Только она.

— А когда вы впервые услышали их разговор и поняли, что к чему?

— Перед их отъездом в прошлое воскресенье... Тогда я была в саду и срезала цветы для их квартиры в Сити. Очевидно, они видели меня в саду, а когда я вернулась, не видели, думали, что меня еще нет... Они говорили о любви... Но Сильвия говорила так... что я сразу поняла: это не платоническая любовь... — румянец на щеках стал гуще... — она... она изменяет Гордону.

— И что вы тогда сделали?

— Ничего.

— Почему? Вас это не заинтересовало?

— А что мне было делать? Я боялась пойти к Гордону, хотя знала, что должна это сделать... Я всегда знала, что это плохо кончится... Но Гордон не поверил бы мне. А если бы они от всего отказались, то плохо было бы нам. И Цирил наверняка бы разозлился...

— Значит, вы не сказали об этом даже мужу?

— Сказала... — тихо сказала Юдита. — Но только тогда, когда они уехали... Я сказала ему об этом в среду.

— И как отреагировал ваш муж?

— Сначала... — Она замолкла, потом закончила с усилием: — Сначала он рассмеялся! Да... Я сама вряд ли поверила бы в это, но он рассмеялся...

Алекс молча кивнул, но сделал это лишь для того, чтобы сдержать смех.

— Он рассмеялся, — продолжала миссис Юдита. — И сказал, что Гордон — паршивый, старый дурень и что на месте Сильвии он бы давно уже наставил ему такие ветвистые рога, что все бабочки мира скрывались бы в них, как в ветвях дуба... Это были первые его слова. Но потом он посерьезнел и категорически запретил мне об этом говорить. Он сказал, что Гордон так ее любит, а она имеет такое влияние на него, что все это может плохо кончиться для нас, а она ничуть не пострадает. И с тех пор она бы стала нашим смертельным врагом. Я решила, что он прав, к тому же раз Цирил так считает, я не имею права ему возражать. Но потом произошло такое, что я совсем растерялась, потому что... — Она помолчала, потом тихо добавила: — Но это к делу не относится. Это личные проблемы мои и моего мужа...

Алекс наклонился к ней и понизил голос, но говорил отчетливо и внушительно:

— Я прошу вас, миссис Бедфорд. Вы несколько минут тому назад сказали, что никогда не обманывали... Расскажите нам все, всю правду. Помните, пожалуйста, что полиция — друг каждого порядочного человека и мы сделаем все возможное, чтобы пощадить ваши чувства. Никогда ни одно слово, не связанное со следствием об убийстве, никому не станет известным...

Она подняла голову и в молчании посмотрела ему в глаза...

— Я верю вам, молодой человек... — сказала она тихо. — Вы производите хорошее впечатление и тот господин тоже, — она показала на Паркера. — Я совершенно иначе представляла себе полицейских. А почему вы без мундиров? — В голосе ее послышалось почти детское любопытство...

— Расскажите нам обо всем, — мягко попросил Алекс... — Мы очень вас просим.

— Ну, позднее... Позднее я поняла, что все равно мне нужно пойти к Гордону. Но не по этому делу... Я хотела... Мне хотелось, чтобы он уволил нашу горничную Агнесс Уайт...

— Почему?

— Потому что... потому что, видите ли, Цирил, мой муж, очень эмоциональный человек... Очень... — Она снова замолчала, подыскивая слова. — А она, — наверняка вы ее видели... Она приличная девушка, но у нее есть такие особенности, как бы это сказать... Ну, она, конечно, молодая и привлекательная с точки зрения мужчин... и... одним словом, я уже больше не могла этого выдержать!..

Последние слова она произнесла высоким ломающимся голосом и закрыла лицо ладонями...

— Теперь вы знаете все, — чуть слышно сказала она. — Эта Агнесс... Мне казалось, что ее отношения с моим мужем слишком свободные... а может, это можно назвать иначе... И я хотела пойти к Гордону и попросить его, но вначале он должен был обещать мне, что ничего не скажет Цирилу... Если бы Цирил узнал, что я была у Гордона, я не знаю, что бы он со мной сделал... И вот в субботу я ждала минуты, когда Гордон останется один... Но он все время был с кем-нибудь... И ночью я ждала, когда они кончат ловить бабочек... И тогда услышала, как Сильвия уговаривает этого юношу бежать вместе... И я подумала, что эта Агнесс тоже может так же уговаривать Цирила... Он, конечно, этого бы не сделал, но ведь женщины такие хитрые... И когда я убедилась, что Цирил вышел из фотолаборатории и пошел спать... То есть когда я заглянула к нему в спальню и увидела, что он спит... я тихо прошла по коридору и по лестнице вниз...

— Который был час?

— Половина пятого... Было уже светло, светило солнце. Но в доме было совершенно тихо. Я знала, что Гордон наверняка еще работает и я смогу с ним поговорить... Я знала его и была уверена, что он бы не потерпел горничной, ведущей себя нескромно. Конечно, я не собиралась говорить ему о Сильвии, тогда бы все пропало. Гордон мог прийти в бешенство и выгнать всех, а эта Уайт могла бы забрать Цирила. Поэтому я хотела, чтобы он лишь уволил горничную, никому не объясняя причины... Я вошла в его кабинет и увидела его. Он был мертв... То есть я подошла к нему и только когда положила руку на лоб, поняла.

— Тогда вы взяли ножницы со стола, вырезали голову Сильвии Бедфорд из фотографии и пришили ее между двух бабочек на витрине. Для чего?

— Потому что я... я не думала, что он убит. Я подумала, что он умер от сердца, раз нет следов крови... И подумала, что это случилось оттого, что Цирил сказал ему о Сильвии и Роберте... А может, он сам узнал каким-нибудь образом?... А потом я вспомнила то, о чем она говорила ночью, и подумала, что, может, это они его отравили?... А я ведь не могла признаться, что была внизу, мне было не объяснить Цирилу, зачем я это сделала. Поэтому я не могла остаться, но одновременно мне хотелось, чтобы полиция знала, что это она виновница его смерти. На глаза попала фотография, я ее быстро вырезала и насадила на булавку на место какой-то ужасной бабочки. А потом убежала...

— И не подняли тревоги?

— А зачем? Гордон был мертв. А Цирил никогда не простил бы меня, если бы узнал, зачем я туда ходила... И кроме того, я испугалась. Я была там совсем одна. Я побежала к себе, спряталась под одеяло и ждала. Ведь я знала, что в семь они должны были встретиться. Но Роберт, очевидно, спустился раньше, потому что в шесть он поднял на ноги весь дом...

— А вы не подумали о том, что полиция спросит, что вы делали в кабинете Гордона и зачем порезали фотографию?

— Нет. А откуда вы могли об этом узнать? Ведь если бы я вам не сказала, вы бы и не узнали...

Джо коротко посмотрел на Паркера, который в немом изумлении взирал на женщину.

— Вы никогда не читаете криминальных книжек? — спросил Джо.

— Нет. Я считаю, что такие вещи должна читать прислуга. Я люблю поэзию.

Паркер тихо кашлянул, а Джо почувствовал, что краснеет.

— И вы никогда не слышали об отпечатках пальцев? — недоверчиво спросил Алекс.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— А вы подходили к окну в кабинете?

— Когда?

— Когда нашли сэра Гордона мертвым.

— Нет, не подходила. А зачем? Он ведь был мертв. Свежий воздух был ему уже не нужен. Кроме того, я сразу подумала об этой фотографии, а потом мне хотелось уже только убежать и спрятаться у себя в постели...

— А у вас, миссис Бедфорд, есть запасные ключи от всех помещений? Кто-то мне говорил, что сэр Гордон, уезжая, закрывал кабинет, но у вас были запасные ключи. Это правда?

— Да, у меня хранится большая связка ключей, но я годами не прикасаюсь к ней, потому что ключи у нас не теряются. Они закрыты в моем столе, а может, просто висят на гвозде в моей комнате...

— Та-а-ак. — Джо подумал. — К сожалению, теперь мы должны будем пригласить миссис Сильвию Бедфорд, мистера Реута и вашего мужа, чтобы они подтвердили ваши слова... — Он вытащил пачку «Голд Флейк», вытряхнул сигарету и закурил, потом, извинившись, поднялся и протянул пачку миссис Бедфорд. — Вы курите?

— Никогда в жизни даже не пробовала... — усмехнулась Юдита. — Возможно, сегодня как раз тот день, когда следует попробовать, но я уже слишком стара, чтобы приобретать новые дурные привычки...

Джо кивнул и продолжал:

— Зато молодые девушки сейчас все курят. Ваша невестка наверняка тоже курит.

— Нет, — Юдита покачала головой. — Это ее единственное достоинство. Не курила и не курит, и Гордон очень этого не любил. Эта малышка горничная тоже не курит, так что, как видите, не все женщины курят... Но неужели вы всерьез хотите их всех собрать, чтобы проверить мои слова?... Ведь я... Они не знают, что я слышала, когда они разговаривали... Цирил тоже не может знать, что я сказала вам о том, что он запретил мне говорить о них Гордону...

— Теперь, когда сэра Гордона в живых нет, все равно выяснится, что они любят друг друга, — пробормотал Алекс, — но даю вам слово, миссис Бедфорд, что сделаю все возможное, чтобы вы не пострадали за свои поступки и искренность. Ваших личных дел мы касаться не будем.

Глава одиннадцатая

Бабочка Мертвая голова

— Что ты собираешься теперь делать? — спросил Паркер, когда двери за Юдитой Бедфорд закрылись. Он подошел к столу и недружелюбно посмотрел на Алекса. — Никогда в жизни у меня не было такого следствия. Совершенно ясно, что все они что-то скрывают. Если бы хоть немного поднажать, этот Реут, например, сказал бы нам еще много чего, может быть, даже признался бы. А ты... — Паркер повысил голос и вдруг с надеждой закончил: — Может быть, ты предполагаешь, что допрос миссис Сильвии Бедфорд станет решающим, и для нее хранишь все сюрпризы, скрытые от других?

— Миссис Сильвия Бедфорд? — Джо поднял брови. — А зачем нам допрашивать миссис Сильвию Бедфорд?

— Как зачем? — Заместитель шефа следственного отдела уголовной полиции явно хотел сказать что-то еще, но так и остался стоять с открытым ртом. Потом опомнился и выговорил: — Ты хочешь сказать, что не собираешься допрашивать всех лиц, находившихся в доме в момент убийства?

Джо вздохнул:

— В твоих устах это звучит так драматично, что мне кажется, я сам совершаю преступление, не желая допрашивать миссис Сильвию Бедфорд. Но мне казалось, что мы приехали сюда не допрашивать всех подряд, а установить, кто убил сэра Гордона Бедфорда. Правда, может, я ошибаюсь? — Он едва заметно усмехнулся. — Самое интересное в каждом следствии — как представители закона стараются следовать рутине. Если бы я писал в таком духе свои скромные детективы, то читатель уснул бы, не успев прочесть половины. Но вас интересует лишь одно: чем толще дело, тем лучше, по-вашему, велось следствие. Скажи, пожалуйста, зачем нам нужно допрашивать миссис Сильвию Бедфорд и задавать ей массу вопросов о личных делах, до которых нам нет никакого дела?

— Ты что, Джо, с ума сошел? — В голосе Паркера была настоящая обеспокоенность. — Неужели ты можешь сказать на основе того, что мы до сих пор услышали и увидели, кто убил Гордона Бедфорда, и сможешь это доказать со всей очевидностью?

— Конечно. — Алекс развел руками. — Я думал, что и для тебя уже все ясно.

— Ты так думаешь? — Паркер покачал головой. — Но ты глубоко ошибаешься. А если для тебя все так ясно, будь добр, объясни мне, пожалуйста, кто убил Гордона Бедфорда и на чем основывается твоя уверенность. В моем представлении кое-что, конечно, выяснилось, но то, что мы узнали, скорее затушевывает разгадку, чем дает ее. Кроме того, должен тебе напомнить, что нашей обязанностью является не выдвижение эффективной гипотезы, но установление фактов, которые могут с абсолютной точностью подтвердить вину одного из подозреваемых. А для этого необходимо исключить всех остальных лиц. Иначе каждый приличный адвокат элементарно разобьет все наши доводы и сделает из нас посмешище.

— Неужели ты допускаешь, о мой досточтимый друг, что я переживу момент, когда из-за меня тебя поднимут на смех газеты всей Англии. — Джо снова усмехнулся, будто мысль о кричащих заголовках, высмеивающих Бенъямина Паркера, показалась ему забавной. — Но я уверен, что следствие закончено, и я знаю, кто убил Бедфорда. В пределах моих скромных возможностей я бы попробовал исключить всех, оставив одного убийцу. Поэтому я и сказал, что мы можем перейти к подведению итогов. Кроме того, ты разбудил меня слишком рано и я бы охотно вернулся в постель. К сожалению, Скотленд-Ярд считает, что мой сон...

— Послушай, не сходи с ума! В конце концов речь идет об убийстве и убийце. Я не могу прервать следствие до тех пор, пока не буду убежден, что оно действительно закончено, — сказал с оттенком отчаянья Паркер, потому что он полагал, что следствие только начинается, а Джо был спокоен, улыбчив и уверен в себе. Наконец он спросил: — Ну так что же ты хочешь, чтобы я сейчас сделал?

— Я думаю, нужно собрать всех этих людей и закончить дело.

— Но ты абсолютно уверен в том, кто убийца, и сможешь это доказать?

— Да, уверен, что смогу.

Паркер колебался.

— Ну ладно. Говори, Джо. Если я скажу, что умираю от любопытства, то это будет очень близко к правде.

И Джо сказал ему.

Через двадцать минут все сидели перед Алексом. Три женщины и двое мужчин. У них был измученный вид, но все, каждый на свой лад, выражали нетерпение.

Алекс, который стоял у дверей, ожидая, пока все войдут и усядутся, повернулся было к столу, но подошел вдруг к дверям кабинета и широко распахнул их. Потом встал, опершись на фрамугу, и, глядя на Паркера, который сидел на председательском месте, сказал:

— Поскольку мы довольно много знаем о том, что может сказать каждый из вас друг о друге, я бы хотел перейти сразу к повестке дня, тем более что ваша информация носит сугубо личный характер, и никому не было бы приятно публично обсуждать ее. Я бы хотел вам, господа, рассказать о том, что мы выяснили в процессе следствия и какие результаты напрашиваются из всего этого благодаря простым рассуждениям.

Итак, полиция не могла без расследования принять на веру гипотезу о самоубийстве. Возможно, вы не все знаете о том, что на столе покойного найдено не одно, а два предсмертных письма... — Он повысил голос и обвел глазами собравшихся, но никто из них не шевельнулся. Алекс кивнул, как бы подтверждая свою мысль, и добавил: — Да, два письма. И вдобавок в каждом из них приводились совершенно разные мотивы самоубийства. В письме, которое можно назвать письмом номер один, лежавшем на поверхности стола и сохранившем отпечатки пальцев сэра Гордона, говорилось, что хозяин этого дома расстается с жизнью в связи с тем, что нарушил законы чести и, насколько мы поняли, брал большие взятки. В этом письме сэр Гордон прощается с любимой женой и адресует ей самые теплые слова. Мы выяснили, что письмо это не могло быть написано после приезда сэра Гордона на нынешний уик-энд, так как в этом случае использована старая лента, а присутствующий здесь мистер Реут утверждает, что сменил старую ленту на новую перед приездом супругов Бедфорд в субботу утром... Под лежащей на столе рукописью

присутствующий здесь мистер Паркер нашел во время осмотра места происшествия письмо, которое мы назовем письмом номер два. Оно было сложено вдвое, и на нем не было никаких отпечатков пальцев. Зато оно было написано на новой ленте. Как мы убедились, это был единственный текст, который печатался на этой ленте. В этом письме сэр Гордон говорит о страдании, которым наполняется его сердце при мысли о том, что любимая им женщина любит другого. Он же, не желая быть помехой в любви двух людей, которых уважает, решает уйти...

— Что? — прошептала Сильвия. — Он? Уйти?.. Вы говорите неправду!

Джо усмехнулся:

— До сих пор очень немного людей подозревали меня в неточности, что же касается обмана... Но надеюсь, миссис Бедфорд, что этим восклицанием вы хотели выразить не столько недоверие ко мне, сколько уверенность, что ваш супруг не мог уйти с пути двух влюбленных, не так ли?

— Простите, — сказала Сильвия, быстро взяв себя в руки. Она спокойно кивнула красивой темной головкой. — Вы правы. Я абсолютно не верю в то, что Гордон, то есть мой покойный муж, был способен на поступок такого рода. Это не в его характере. Кроме того, он был человеком глубоко религиозным и посчитал бы самоубийство большим грехом, чем убийство.

— Я удивляюсь, — быстро и тихо сказала Юдита Бедфорд. — Я удивляюсь тому, как ты легко можешь оскорблять память о нем. Кажется, ты в достаточной степени сумела опорочить фамилию Бедфордов при его жизни!

— Я была не первым из Бедфордов, который опорочил эту фамилию, — парировала Сильвия, выпрямившись на стуле и одновременно бросив виноватый взгляд на Цирила, который в свою очередь приветливо ей улыбнулся, будто эти слова его не касались.

— Минутку, господа, прошу вас. — Джо прошелся по комнате, потом вернулся к сидящим и, глядя на Сильвию, продолжил: — И тем не менее мы установили, что именно второе письмо, содержание которого представляется вам, миссис Бедфорд, таким неправдоподобным и на котором нет отпечатков пальцев, написано сэром Гордоном за час или два перед смертью. Мисс Агнесс Уайт, чья комната находится прямо под кабинетом, слышала, как мужчины возвращаются из сада, потом слышала шаги сэра Гордона над собой, а потом стук пишущей машинки. А так как другой машинки в доме нет, а сэр Гордон умер только через час или два и, что самое важное, текст этого письма единственный, напечатанный на машинке, мы можем считать, что либо сэр Гордон написал письмо, либо Агнесс Уайт говорит неправду...

— Я обманываю?... — Агнесс раскрыла свои спокойные, серые глаза. — Да зачем мне врать? Я ведь все слышала, как раз так, как рассказала вам.

— Да, конечно, мисс Уайт. Но нашей обязанностью является проверка всех возможностей. Это ведь вы сказали, что открывали окно перед полуночью, а мы не нашли на нем ваших отпечатков пальцев, и вы могли подать сэру Гордону кофе с ядом, а потом вытереть кофеварку. Но в этом случае вы должны были бы обмануть нас, сказав, что слышали, как сэр Гордон печатал, и, убив его, должны были сами написать письмо, а потом сунуть его под рукопись... а выходя, стереть свои отпечатки с ручки двери...

— Но зачем?

— Ну, — Джо сделал неопределенный жест рукой, — чего только не придумает девушка в одиночестве, когда не может уснуть и размышляет о жизни... Вы бы могли подумать, например, что такое письмо, в котором говорится об измене жены и самоубийстве ее мужа, могло бы лишиться наследства эту женщину и его мог бы получить кто-нибудь еще... Ну, словом, причина могла бы найтись.

Агнесс покраснела.

— Если вы думаете, что это я... я...

— Нет, нет, так я не думаю, — ответил Алекс. — Я так не думаю прежде всего потому, что абсолютно не представляю себе, как вы, мисс Уайт, могли написать именно такое письмо. Конечно, оно не относится к шедеврам британского эпистолярного жанра, но в любом случае, чтобы напечатать такое письмо на машинке одним пальцем, да еще когда за спиной находится стынущий труп (потому что сэр Гордон, будь он жив, не позволил бы вам печатать)... Нет, для такого дела нужен кто-то более знакомый с техникой литературного труда...

— Но я никогда в жизни не печатала на машинке, — сказала растерянно Агнесс. — Вы говорите так, будто я не могу написать письмо, а я вообще не умею печатать! Я даже не знаю, как это делается...

— И об этом мы подумали... Письмо написано без единой ошибки и без помарок. Правда, мы не проверяли, не учились ли вы на курсах машинописи, но сам анализ содержания и ситуация, в которой вы должны были его печатать, исключают ваше авторство. А если так, то мы должны считать ваш рассказ правдивым.

— Вы хотите сказать, — спросила спокойно Сильвия, — что мой покойный муж совершил самоубийство, чтобы не мешать тому, что вы назвали любовью двух человек?

— Нет. Я этого не говорил. Я хочу сказать, что мы можем считать авторство сэра Гордона в связи с письмом номер два установленным.

И Джо прочел собравшимся письмо. Закончив, отдал его Паркеру.

— Так вот, — продолжал он, — не будь второго письма, дело можно было бы считать законченным. Обычное самоубийство. Правда, нам пришлось бы выяснить, почему сэр Гордон не подписал письмо и не написал его от руки, хотя ручка лежала рядом. Мы должны были бы также выяснить, почему он стер свои отпечатки с ручек двери и окна, а также с кофеварки. Ведь если он сварил себе отравленный кофе, он должен был оставить отпечатки пальцев. Ну, и еще шкафчик и флакончик с ядом... На них тоже нет следов... На первый взгляд все совершенно необъяснимо... И к тому же еще головка, пришипленная на витрине между двух бабочек... Я имею в виду головку, вырезанную из фотографии, стоявшей на столе...

Сидящие молча слушали его с широко раскрытыми глазами.

— Но в конце концов вопрос с фотографией оказался не столь важным. Его я касаться не буду. Мне бы хотелось проанализировать все, что касается писем, потому что они с самого начала были в центре нашего внимания.

Итак, с точки зрения логики, существовали следующие возможности.

Предположение «А»:

Первое. Сэр Гордон написал оба письма и совершил самоубийство. Второе. Сэр Гордон написал первое письмо, совершил самоубийство, а письмо номер два ему подброшено. Третье. Сэр Гордон написал письмо номер два, совершил самоубийство, а письмо номер один ему подброшено. (Я хочу сказать, что либо убийца, либо кто-то еще по неизвестным причинам, видя труп, подбросил ему прощальное письмо). Четвертое. Сэр Гордон совершил самоубийство, не писал ни одного письма, а оба они подброшены после его смерти.

Предположение «Б»:

Первое. Сэр Гордон был убит, а потом ему на стол подброшены оба письма. Второе. Сэр Гордон был убит, но перед этим написал оба письма. Третье. Сэр Гордон был убит. Перед этим он написал письмо номер один, а номер два ему подбросил убийца. Четвертое. Сэр Гордон был убит, но перед этим написал письмо номер два, а номер один ему подбросил убийца.

Прошу прощения за слишком долгое вступление, но мне кажется, эти пункты исчерпывают все возможности и комбинации того, что могло случиться. А это для нас очень важно. Теперь нужно исключать ненужное и искать решение, в котором все бы сходилось...

Поговорим сначала о возможности самоубийства. Возьмем факты.

Сэр Гордон вечером с энтузиазмом ловит бабочек. На шесть утра назначает совещание с братом и секретарем относительно своей книжки. Как свидетельствует мистер Цирил Бедфорд, после написания прощального письма, он поднимается к нему в лабораторию и говорит о снимках. Мало этого, на столе мы нашли машинопись лекции, которую он должен был прочесть в Америке. На рукописи лежала раскрытая авторучка — покойный начал вписывать поправку, но она осталась незаконченной. Кроме этого сэр Гордон перед гибелью держал на ладони чашечку с блюдцем. Он выпил кофе одним глотком и мгновенно умер. Чашка упала на пол, выпущенная из правой руки, а блюдечко, которое он держал в левой, упало на колени, а оттуда соскользнуло на ковер. Мне сразу показалось маловероятным, что самоубийца, который насыпал себе в кофе цианистый калий, пьет яд с блюдечком в другой руке. Так бы поступил, скорее, человек, которому подали чашку с блюдцем. Но это были, скорее, мои фантазии. Важнее было то, что сэр Гордон, возвращаясь из сада, брался, естественно, за ручку двери, но кроме этого он должен был оставить

отпечатки пальцев еще дважды: когда он выходил, направляясь в фотолабораторию, и возвращался оттуда. Между тем отпечатков не было вовсе.

Не было их также и на кофеварке, в которой он должен был сварить себе кофе. Не было их ни на шкафчике, ни на флаконе, который он принес из сада и поставил в шкафчик. Не было отпечатков и на ручке окна, которое Агнесс открывала перед полночью. Все, кто были в комнате позднее, утверждают, что к окну не подходили...

Если добавить к этому, что сэр Гордон был человеком принципов, что был он глубоко религиозным и что, скорее всего, считал самоубийство проявлением величайшей трусости по отношению к жизни, трудно утверждать, учитывая все обстоятельства, что сэр Гордон совершил самоубийство, тем более что непосредственно перед смертью он был полон намерений и планов, и тем не менее... кажется совершенно невероятным, для чего ему нужно было стирать свои отпечатки пальцев с различных предметов, если он хотел, как утверждает в своем лирическом письме, уйти, чтобы не мешать счастью других людей?.. И зачем нужно было второе письмо, тоже неподписанное?

Нет, самоубийство здесь не объясняет ничего. Не объясняет и странных заметок в записной книжке, где под вчерашней датой он пишет: «Конечно, флакон, попросить его, чтобы пересыпал обратно. То же самое с кофе. Быть после этого нежным с ней...» А сегодняшним числом делает заметку: «Сжечь! Помнить о разложенной работе. Попросить его написать несколько слов. Сжечь...»

Эти тексты очень интересны, так как относятся к флакону, кофе и разложенной работе, то есть ко всему тому, с чем мы столкнулись после смерти сэра Гордона. Учитывая тот факт, что под позавчерашним числом не записано ничего интересного, а всего лишь сделана пометка об уик-энде и билетах на самолет, мы можем предположить, что между приездом на уик-энд и вчерашним днем произошло что-то, что вынудило сэра Гордона написать этот текст.

Джо обвел глазами сидящих и выразительно сказал:

— Самоубийство в данном случае абсолютно исключается. Гордон Бедфорд не был сумасшедшим, он не стал бы расставаться с жизнью, написав предварительно бессмысленные письма и стирая с них свои отпечатки. Он не совершил бы самоубийства, начав писать поправку в текст, и не стал бы договариваться с людьми о встрече утром, и не ловил бы бабочек ночью, и не пошел бы к брату смотреть фотоснимки. Человек, расстающийся с жизнью, не ведет себя как шут гороховый. Кроме того, хотя мы и нашли у него в кармане капсулу с ядом, мы не обнаружили пустой капсулы на столе. А поскольку на шкафчике и на флаконе нет его отпечатков пальцев, значит... — Джо развел руками, — значит, не ясно, откуда он взял яд? Ведь не носил же он его постоянно с собой. А в комнате нигде нет следов яда. Нет, мы не можем допустить, что человек, совершенно психически нормальный, у которого не было никаких намерений расставаться с жизнью и поведение которого выходит абсолютно бессмысленным, если он совершил самоубийство... Что этот человек совершил самоубийство... Гордон Бедфорд был убит, и мы все знаем это так же хорошо, как и сам убийца.

Он замолк.

— Ну хорошо... — сказал Цирил Бедфорд. — И что с того? Даже если он и был убит, ничто из сказанного не проясняет дела.

— Я ведь сказал с самого начала, что существует восемь возможных предположений. В данный момент мы можем отбросить сразу четыре возможности разгадки, основанных на самоубийстве. Нам остается второе предположение и следующие варианты:

Первый. Он был убит, и ему подбросили оба письма. Второй. Он был убит, но перед смертью написал оба письма. Третий. Он был убит, но написал первое письмо, а второе ему подброшено. Четвертый. Он был убит, но перед смертью написал второе письмо, а первое подбросил убийца.

Рассмотрим все эти возможности поочередно.

Первая. Он был убит, а после смерти ему подбросили на стол оба письма...

В рамках признания мисс Агнесс, которая слышала, как сэр Гордон написал на машинке второе письмо, эту возможность мы должны отбросить. Мисс Агнесс сказала, что слышала, как мужчины закрыли дверь в сад, потом разговаривали вполголоса в холле. Потом мистер Цирил Бедфорд с мистером Реутом пошли наверх, а сэр Гордон некоторое время ходил по кабинету, потом сел писать на машинке, так ведь?

— Так... — Агнесс кивнула. — Все было именно так, как вы сейчас рассказали.

— А потом вы заснули. А поскольку текст второго письма — единственный, написанный на новой ленте, а другой машинки в доме нет, мы должны принять положение, что сэр Гордон написал именно это письмо. И хотя мисс Уайт не видела его за машинкой, мы знаем, что именно он был в это время в кабинете и лишь некоторое время спустя поднялся наверх к мистеру Цирилу. Только в этот короткий промежуток кто-то мог рискнуть войти в кабинет и написать письмо. Что просто физически невозможно по времени хотя бы... Таким образом, мы должны признать, что сэр Гордон написал это письмо, в связи с чем отпадают сразу две возможности.

У нас остаются две возможности, из которых одна лишь правдива.

Рассмотрим одну из этих возможностей: сэр Гордон написал два прощальных письма, а потом был кем-то убит.

— Цирил... — громким шепотом спросила Юдита Бедфорд. — Ты понимаешь хоть слово из того, о чем говорит этот человек?

— Да, — кивнул Цирил Бедфорд. — Никогда мне бы не пришло в голову рассуждать так механически, но пока в этих рассуждениях нет никакой трещинки...

— Благодарю, — слегка поклонился Джо, улыбнувшись. — Я знаю, что могу надоесть вам, господа, но мы должны помнить о необходимости исключения всех нелепостей и неточностей. Без понимания причин появления писем мы не можем перейти к описанию событий. Но вернемся к нашим баранам. Итак, у нас остались две вероятности, и мы занимаемся первой из них, которая гласит, что сэр Гордон написал оба письма, а потом его убили.

Так вот, правда выглядит таким образом, что сэр Гордон должен был первое письмо, в котором он называет себя циничным взяточником, написать на прошлой неделе, поскольку не был здесь с прошлого понедельника, а мистер Реут поменял ленту позавчера, перед приездом сэра Гордона. Это позорящее его письмо сэр Гордон должен был целую неделю держать при себе или прятать в тайнике только для того, чтобы потом написать совершенно другое письмо, с другим мотивом самоубийства: любовь миссис Сильвии к кому-то, кого сэр Гордон любит и уважает.

И снова этот человек, для которого чужда сама мысль о самоубийстве, который сегодня собирался выехать в Штаты, который ночью с энтузиазмом ловил своих любимых бабочек, целую неделю собирает лишь себя жизни, не в силах терпеть позор, но в последнюю минуту меняет намерение и хочет уйти из-за любви. Однако убийца опережает его и убивает! Вдобавок ко всему на этом письме есть отпечатки пальцев сэра Гордона, которые лаборатория считает нанесенными после смерти. Да еще машинописные буквы оказались слегка смазанными, когда кто-то пытался стереть другие отпечатки. Что же получается? Что сэр Гордон стер свои отпечатки пальцев с письма, а убийца вернул их? И почему письмо, написанное неделю назад, лежало на виду, а новое под рукописью? Совершенно ясно, что первое письмо о взятках положено после убийства кем-то, кто не знал о существовании второго письма. Скорее всего, сэр Гордон напечатал письмо, вынул его из машинки, но, услышав чьи-то шаги, вытер его и спрятал под папку с рукописью. Убийца во время разговора подал ему кофе, который, возможно, как раз готовился. Сэр Гордон умер, убийца бросил на стол письмо, к которому приложил пальцы убитого. Потом ушел, не зная, что на столе осталось второе письмо, благодаря которому рухнет версия о самоубийстве и начнется следствие с целью выяснения того, что происходило здесь минувшей ночью... Потому что убийца не знал также, что в корзине для мусора мы обнаружим большую, давно уже высохшую бабочку, а на ее месте в витрине найдем вырезанную из фотографии голову миссис Сильвии Бедфорд. Убийца не знал и того, что мисс Агнесс Уайт была здесь перед полночью и проветрила комнату, открыв настежь окно, оставив на ручке отпечатки своих пальцев... которых мы не нашли...

Но вернемся к нашим вероятностям. Поскольку версия, что сэр Гордон в течение недели написал два совершенно разных прощальных письма, но не совершил самоубийства, зато был убит, совершенно абсурдна, мы, проанализировав содержание обоих писем и учитывая все остальные обстоятельства, оставляем одну вероятность.

...Что сэр Гордон написал письмо номер два — о самоубийстве из-за любви, что он был убит, и ему на стол подбросили потом письмо номер один, где говорится о самоубийстве из-за угрызений совести.

Мы знаем, что сэр Гордон действительно написал письмо номер два. Остается еще факт появления письма номер один.

Во всем этом кошмарном деле мне все время самым абсурдным казался один факт: один человек пишет прощальное письмо, а другой, который не знает об этом, приходит, убивает его и подбрасывает письмо, не заметив первого. Эта ситуация практически так же неправдоподобна, как и семь остальных, нами отвергнутых... И тем не менее сэр Гордон умер, и смерть его должна быть объяснена в рамках одной из восьми версий.

Я прошу меня правильно понять: если один человек собирается совершить самоубийство, а другой об этом не знает, то факт опережения самоубийства посредством убийства является по теории вероятности почти невозможным. Такие совпадения попросту исключены... правда, встречаются в плохих криминальных романах.

Существует другая возможность: что убийца знал о намерении другого лица совершить самоубийство, потому что один человек может поделиться с другим своими замыслами. Но тогда лишь сумасшедший стал бы убивать. Зачем убивать и рисковать попасть на виселицу, если человек, которого мы хотим убить, хочет сделать это за нас? Достаточно подождать и, возможно, каким-то образом воздействовать на его психику, и человек сам сделает то, чего мы ждем от него. Следовательно, и эта версия абсурдна...

Алекс повысил голос и кашлянул.

Цирил Бедфорд вынул трубку, закурил и, усмехнувшись, сказал:

— Значит, вы держите нас здесь целый час только для того, чтобы объяснить, что мой брат не совершал самоубийства и не был убит, несмотря на серию прощальных писем и отсутствие отпечатков пальцев в тех местах, где их должно быть с избытком?

Джо развел руками:

— Прошу прощения, если вам так кажется. Но я не вижу иного выхода, кроме как пройти все пункт за пунктом в том порядке, в каком шли мои собственные рассуждения. Таким образом, мы остановились на ситуации, из которой нет, казалось бы, никакого логического выхода. Признаюсь, это были неприятные минуты. Я провел логический анализ и пришел к выводу, что сэр Гордон не уместается ни в одной из этих восьми ситуаций. А ведь больше их просто нет! Вот тогда я понял ошибку в своих рассуждениях... При решении первых семи задач я был абсолютно прав. Но восьмая!..

Он снова повысил голос и после драматичной паузы начал говорить быстро, почти весело, будто решение проблемы значило для него сейчас больше, чем присутствие всех пятерых заинтересованных людей.

— То есть я забыл об одном: что сэр Гордон Бедфорд написал второе письмо, вовсе не желая совершать самоубийство!

— Как это? — Роберт Реут протер измученные глаза. — Не хотел, но написал прощальное письмо, а потом кто-то его убил и подбросил второе письмо? Это же бессмыслица!

— Гм... — Джо посмотрел на него без всякой симпатии. — Вы так считаете? Позвольте, тем не менее, я еще продолжу свои абсурдные размышления. Правда, мы находимся здесь не полных три часа и даже не допросили всех обитателей дома. Но я позволю себе тем не менее довести свою мысль до конца.

— До конца? — спросила Сильвия, прищурившись. — Вы в этом уверены?

— Абсолютно, миссис Бедфорд. До конца — это значит до объяснения, кто и при каких обстоятельствах убил сэра Гордона Бедфорда.

— О Боже... — прошептала Агнесс Уайт, и снова тишина.

— Итак... — Алекс сел и закурил. — Когда я пришел к этому абсурдному, как сказал мистер Реут, выводу, я задал себе вопрос: что мы, собственно, знаем? Знаем только, что сэр Гордон написал сегодня ночью, перед смертью, письмо, в котором говорит, что уходит с дороги двух любящих друг друга людей. Но ведь это письмо не подписано и на нем нет никаких отпечатков пальцев. А это значит, что положенное перед любым самоубийцей, оно сыграло бы ту же самую роль, если только его психологический портрет соответствует портрету, описанному в письме...

— Как это? — спросила в недоумении Сильвия.

— Очень просто. Давайте задумаемся. Если бы, например, мистер Роберт Реут полюбил вас, миссис Бедфорд, и со взаимностью, но одновременно чувствовал бы столь сильные угрызения

совести по отношению к своему шефу и опекуну, что мысль о своей подлости не позволила бы ему продолжать жить; разве такое письмо не объяснило бы мотивы его шага? Когда я это уразумел, я понял, что только факт обнаружения тела сэра Гордона заслоняет нам единственный логичный вывод.

— Как так? — Глаза Сильвии расширились от изумления. — Но ведь Роберт жив...

— Вот именно. А если предположить, что капсула с цианистым калием в кармане сэра Гордона была приготовлена для мистера Реута, точно так же, как и письмо? Если слова: «Быть после этого нежным с ней...» — прочесть с этой точки зрения? Если учесть тот факт, что с флакона стертые отпечатки пальцев, с кофеварки тоже, в блокноте читаем: «...флакон. Попросить его, чтобы пересыпал обратно. То же самое с кофе», — то становится понятным, что достаточно мистеру Реуту прийти в кабинет, пересыпать по просьбе сэра Гордона яд обратно в флакон, а потом заварить кофе, чтобы на местах, ключевых для определения факта самоубийства, остались его отпечатки пальцев. Если к этому добавить письмо, напечатанное на машинке... и пометку в записной книжке: «Попросить его написать несколько слов. Сжечь!» — становится ясным, что сэр Гордон мог попросить мистера Реута написать под диктовку несколько слов, достаточных для пальцев на машинке...

— Да... Но вы предполагаете, что я должен был спуститься к нему, и тогда он бы убил меня, инсценировав самоубийство... Но все знали, что он работает в кабинете, и если бы я спустился к нему... Мы были бы вместе...

— Разве? — Алекс с недоверием покачал головой. — При свидетелях вы договорились с сэром Гордоном на семь, а с глазу на глаз — на шесть. Значит, если бы он спустился в кабинет в семь и нашел бы вас мертвым, никому бы не пришло в голову, что вы виделись раньше. Он мог, например, выйти в фотолабораторию, и тогда бы все и произошло.

Цирил Бедфорд пожал плечами:

— Но остаюсь еще я... Гордон договаривался на семь при всех, но на шесть он улавливался и со мной.

— Но я же не утверждаю, что вы, мистер Бедфорд, тоже хотели убить мистера Реута. Конечно, вы не хотели его убивать...

— Благодарю вас... — Цирил усмехнулся и слегка поклонился.

— Не за что... — сказал Джо. — Всего мы пока еще не выяснили. И так, при размышлении над личностью убийцы надо было учесть всех присутствующих. Каждый из вас мог убить сэра Гордона, во-первых, потому что все вы были в доме во время его смерти, а во-вторых, у каждого, из вас была более или менее серьезная причина желать его смерти. Даже для мисс Агнесс я нашел мотив. Таким образом, если сэр Гордон хотел убить Реута и планировал это убийство на сегодняшнюю ночь, а все указывает на это: уничтожение отпечатков пальцев, записи в блокноте и то, что между мистером Реутом и миссис Сильвией родилась любовь, — то использовать это намерение мог только убийца, который об этом знал. Только подбросив абсурдное письмо о финансовых махинациях Бедфорда, убийца мог направить подозрения полиции на обитателей дома, потому что во время следствия отношения мистера Реута с миссис Сильвией стали бы достоянием гласности. В лучшем случае они бы отделались дискредитацией в прессе, в худшем — обвинительным процессом. Не надо забывать при этом, что положение у обоих было бы весьма незавидным, если бы следствие обвинило их в убийстве. Ну хорошо, но кто был тот человек, который знал, что сэр Гордон хочет убить Реута? Им не мог быть Реут, и не могла быть миссис Сильвия по понятным причинам. Во время следствия миссис Юдита Бедфорд признала, что напала на след любви миссис Сильвии и мистера Реута, подслушав их разговор через общий дымоход каминов. В остальном они были хорошо законспирированы.

— Змея, — сказала Сильвия, глядя на пожилую женщину глазами, в которых не было ненависти, а лишь изумление. — Как ты могла ему сказать?

— Я не говорила ему! — возразила Юдита. — И никогда бы не сказала!

— Это правда, — Алекс кивнул. — Но вы сказали об этом своему мужу. Вы сказали ему об этом после того, как сэр Гордон, миссис Сильвия и мистер Реут уехали.

— Ну, хорошо... — Цирил тоже кивнул. — Но ведь я ему об этом не сказал. Если бы я сказал ему, он бы встряхнул этот дом как Самсон!

— Я выдвинул свою гипотезу... — Джо извиняюще улыбнулся. — Я предположил, что вы сказали об этом своему брату позавчера при первой же возможности, когда вы остались вдвоем. Я предположил также, что вы на всякий случай написали письмо, которое мы назвали письмом номер один, после того как узнали о романе миссис Сильвии и мистера Реута. Миссис Юдита рассказала нам, что у нее есть связка запасных ключей, которые она не очень-то бережет и о которых даже точно не знает, где они находятся. Потом я предположил, что вы, быть может, не только рассказали брату обо всем, но и навели его на мысль об убийстве (используя, к примеру, тот аргумент, что мистер Реут совершил преступление по отношению к сэру Гордону и должен понести наказание). В его консервативном, викторианском мышлении мысль о наказании самого себя не была равнозначна наказанию кого-либо за преступление. По его убеждению, мистер Реут как человек неблагодарный и совершивший прелюбодеяние, заслуживал главного наказания. Добавим сюда ревность, оскорбленное чувство любви, возмущение, и мы получим полную картину. Думаю, что сэр Гордон после этого не расстался бы с женой. Возможно, он полагал, что самоубийство любимого потрясет ее... «Быть нежным с ней...» — записал он. Вот именно, он хотел быть нежным с ней...

— Следует признать, что у вас потрясающая фантазия, — сказал Цирил и с уважением покачал головой.

— Без фантазии следствие тянется месяцами... — вздохнул Джо. — О чем мы говорили? Ах да! Так вот, я предположил, что сэр Гордон продумал план мести совместно с вами, мистер Бедфорд. Он был уверен в вашем молчании. Много лет он держал вас в руках и в случае чего с легкостью сумел бы опровергнуть ваши показания. Впрочем, никому не могло прийти в голову, что такой человек, как он, мог убить. Весь план убийства Реута был хорошо продуман. За ужином сэр Гордон договорился с вами и с мистером Реутом на семь часов. Потом, когда женщины вас не слышали, изменил время встречи на шесть. Если бы Реут умер в шесть часов, а вы сохранили молчание, вы могли спокойно все убрать и пойти спать, а потом спуститься в семь и застать его мертвым...

— Но зачем мне нужно было подталкивать Гордона к убийству? — Цирил снова усмехнулся. — Не можете же вы сказать, что бедный Реут в чем-то мне мешает. Я был даже доволен, когда Юдита сказала мне, что он наставил рога Гордону... Я прошу прощения, что затронул эту тему, но мы говорим о возможных гипотезах убийства, поэтому я хочу сразу уточнить, что мне спровоцировать Гордона на убийство Реута не было абсолютно никакого смысла.

— Но ведь я уже говорил, что вы и не собирались убивать мистера Реута. Вы желали смерти брата, который столько лет держал вас железной рукой. Вы знали, что в случае его смерти обретете свободу. Все было очень просто. Вы обговорили подробности убийства, при котором вы должны были создать алиби. Скорее всего вы договорились, что скажете, что вас разбудил сэр Гордон в шесть, а потом вы работали в фотолаборатории. А потом спустились вниз и застали мистера Реута уже холодным... Тем временем ваш план был еще проще. Спуститься вниз в четыре под предлогом подготовки к приходу Реута, подать сэру Гордону кофе с цианистым калием, а потом, удостоверившись, что все прошло как надо, подняться к себе и лечь спать.

— Хорошо, что у вас нет никаких доказательств... — Цирил выбил трубку и набил ее снова. — Иначе, при вашей фантазии, вы могли бы и впрямь надеть на меня наручники.

— Но неужели вы не понимаете, что если сэр Гордон хотел убить мистера Реута, то вы единственный человек, который мог убить сэра Гордона? Только вы кроме покойного знали об убийстве. Только вы кроме покойного и Реута знали, что встреча назначена на шесть. Если бы вы не были посвящены в планы сэра Гордона, он не стал бы звать вас к себе вместе с Реутом в шесть утра. Вы были бы единственным свидетелем смерти Реута. Вы знали о Реуте и Сильвии, получали выгоду от смерти Гордона, — ведь вы его ненавидели, вы могли написать письмо номер один, и таким образом все полностью вписывается в мою гипотезу, в которой нет ни одного слабого пункта. Но были другие моменты, которые я не прояснил и которые тоже должны были соответствовать картине в целом. Когда все стало выясняться, я задумался над ручкой окна. Я никак не мог понять, кто и для чего стер на ней следы. Сэр Гордон не стирал, убийца мог, но для чего ему это было нужно?

— Но ведь, — вмешалась Агнесс Уайт, — чтобы вытереть ручку, вовсе не обязательно открывать окно.

— Да, благодаря счастливому стечению обстоятельств, мы знали, что вы, мисс Уайт, были там, открыли окно, закрыли его и ушли, не вытерев ручки. Следовательно, было ясно, что кто-то позднее стер отпечатки пальцев. Этим человеком мог быть только убийца. Но зачем ему нужно было это делать? Он ничего не выбросил в окно. Ему ничего не подавали.

— Может быть, он хотел проветрить комнату, — наивно сказала Агнесс.

— Браво... Но после чего? После приготовления кофе? Нет... Убийца мог открыть окно только для того, чтобы ликвидировать следы своего присутствия.

Он замолк.

— Как это? — не поняла Сильвия.

— Ну, например, чтобы выпустить дым...

— Дым... Но ведь никто из нас... — Сильвия вдруг замолчала и посмотрела на Цирила. У Реута был совершенно ошеломленный вид.

— Чуть, — сказал Цирил Бедфорд, — только я курю из всех живущих в доме, а я не открывал окна.

— Ба... — Джо встал, подошел к дверям кабинета и поднял палец. — Она нам говорит совсем другое... Прошу вас...

И он вошел в кабинет. За ним двинулись все присутствующие.

— В чем дело? — Идя вслед за Алексом, Цирил подошел к окну.

— Бражник *Мертвая голова*. Она влетела сюда, когда вы открыли окно. Вы не отодвинули занавески, потому что боялись, что вас кто-нибудь заметит снаружи...

— Чуть! — Цирил снова пожал плечами. — *Мертвая голова* — ночная бабочка, и она не могла влететь сюда. Ведь было уже совсем светло.

Он вдруг замолк и ударил себя ладонью по губам.

— Вот именно, — сказал Алекс и покачал головой. — Было светло. Это вы сказали сами, мистер Цирил Бедфорд.

Цирил Бедфорд бросился к окну, но, наткнувшись на решетку, остановился. Всем своим огромным телом он навис над хрупкой фигурой Алекса.

— Спокойно... — Паркер стоял совершенно неподвижно. Длинный вороненый ствол пистолета в его руке не шевельнулся, когда он сказал это.

Цирил Бедфорд некоторое время колебался, потом его длинные тяжелые руки упали.

— Ладно... сдаюсь, — сказал он. — Но как она могла влететь. Ведь действительно было уже светло?

— Скорее всего какой-нибудь добрый дух посадил ее туда, — буркнул Алекс.

Через полчаса, когда умолкла сирена тюремной машины, Паркер, надевая плащ, взглянул на штору и сказал:

— Послушай, она до сих пор сидит там...

— И будет сидеть до страшного суда, если я ее не сниму. — Джо подошел и кончиками пальцев снял бабочку со шторы.

— Она неподвижна... — Бенъямин Паркер подошел и склонился над бабочкой, которую держал Алекс.

— Еще бы... Мертвые, как тебе известно, всегда неподвижны. — Джо осторожно взялся за булавку, которой была проткнута бабочка, подошел к витрине и приколот бабочку на пустующее место, сказав: — Это та самая. Она немного помогла нам, хотя и без того у нас были все доказательства. Но лучше, если преступник сразу сознается сам. Тогда, по крайней мере, можно выспаться.

— Неужели ты в такое время ляжешь спать? — Паркер взглянул на часы. — Уже десять!

Алекс наклонился к его уху и сказал шепотом:

— Все прошло так гладко, что я сам чувствую себя, как ночная бабочка. Могу проспать весь день, а потом всю ночь шляться. Спокойной ночи, Бен. С завтрашнего дня можешь называть меня Джо Атропос!

И, посмеявшись, он вышел из комнаты. Заместитель шефа следственного отдела уголовной полиции Скотленд-Ярда услышал, как вдалеке хлопнула входная дверь, потом на садовой

дорожке он увидел худощавую фигуру Алекса, приближавшегося к калитке. Полицейский отдал ему честь. Потом калитка закрылась, и Джо исчез.

— Господи, Боже, — прошептал Паркер и потер ладонью лоб. — Его жена наверняка никогда ему не изменит, а если изменит и он вознамерится убить ее или любовника, мы никогда не раскроем этого преступления...

Он нахмурился, но вскоре лицо его прояснилось.

К счастью, Джо Алекс не был женат.

Алекс Джо
Мёртвая голова: Роман / Перев. И.Тихорского; Оформл.
О.Зуева. — Л.: ПТО Возрождение, 1990. — 92 с.

Криминальный роман, разгадку жуткого убийства в котором разрешает автор, он же детектив-любитель.

Джо Алекс
МЁРТВАЯ ГОЛОВА
Роман

Редактор *Н.Г.Павлов*
Технический редактор *Т.Д.Раткевич*
Корректор *Л.А.Ни*

Сдано в набор 20.06.90 Подписано в печать 04.07.90
Формат 60x84 1/16 Бумага типограф. № 1 Печать офсетная
Усл.печ.л.5,5 Усл.кр.-отт.5,62 Уч.-изд.л.5,34
Тираж 200000 экз. Зака 1509 Цена 3 р. 15 к.

Московское предприятие "Этнос"
Ленинградское отделение фонда культуры.
Производственно-творческое объединение "Возрождение".
191040, Ленинград, Лиговский пр., 82
Отпечатано в отделе полиграфии Информэлектро
111123, Москва Е-123, ул.Плеханова, За